

Марио Пьюзо

ДОСТОЙНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ «КРЕСТНОГО ОТЦА»

СИЦИЛИЕЦ

Крестный отец

Марио Пьюзо

Сицилиец

«ЭКСМО»

1969

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Пьюзо М.

Сицилиец / М. Пьюзо — «Эксмо», 1969 — (Крестный отец)

ISBN 978-5-04-175027-5

ПЕРВЫЙ ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОД РОМАНА В РОССИИ Роман знаменитого американского писателя Марио Пьюзо «Сицилиец» принято считать продолжением «Крестного отца». Эта книга о дружбе и вражде, любви и ненависти, сицилийском законе омерты и бесконечной вендетте. Роман позволяет читателю без риска для жизни заглянуть в святая святых мафии. Действие происходит на Сицилии, сразу после падения фашистской диктатуры Муссолини. Главный герой Сальваторе Гильяно борется за независимость Сицилии и сицилийского народа. Майкл должен помочь ему выехать в Америку, но из-за предательства друга все идет не так, как было запланировано... «По-прежнему блестящее повествование в желчной, темной манере Пьюзо: клятвопреступления, бесстрастные вендетты и коррупция на всех уровнях — от городского парикмахера до кардинала Палермо...» — Kirkus Review «Искусно написанный и полный страсти роман». — Time «Пьюзо — настоящий мастер повествования». — USA Today «Персонажи очаровывают еще более, чем те, что сделали культовым роман “Крестный отец”». — New York Daily News

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-175027-5

© Пьюзо М., 1969

© Эксмо, 1969

Содержание

Книга I	7
Глава 1	7
Книга II	25
Глава 2	25
Глава 3	31
Глава 4	38
Глава 5	44
Глава 6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Марио Пьюзо

Сицилиец

Copyright © Mario Puzo, 1969

© Голыбина И.Д., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается Кэрол

Книга I

Майкл Корлеоне

1950

Глава 1

Майкл Корлеоне стоял на длинном дощатом причале в Палермо и смотрел, как величественный океанский лайнер отплывает в Америку. Он должен был плыть на этом же судне, но от отца поступили новые указания.

Майкл помахал рукой парням на маленькой рыбацкой лодке, которые доставили его на причал, парням, охранявшим его последние годы. Лодочка плыла по пенному следу от океанского лайнера – храбрый утенок, догоняющий мать. Парни помахали в ответ; больше он никогда их не увидит.

На причале сустились рабочие в кепках и мешковатых робах: они разгружали другие суда и заполняли грузовики, подъезжавшие к причалу. То были коренастые жилистые мужчины, больше похожие на арабов, чем на итальянцев; козырьки кепок закрывали их лица. Среди них наверняка есть и новые охранники, задача которых – следить, чтобы с ним ничего не случилось до встречи с доном Кроче Мало, *капо ди капи*¹ из «Друзей друзей», как их называли тут, на Сицилии. В газетах и вообще в мире их называли мафией, но на Сицилии слово «мафия» местные не использовали никогда. Точно так же они никогда не называли дона Кроче Мало *капо ди капи* – только Добрая Душа.

За два года ссылки на Сицилию Майкл услышал немало легенд про дона Кроче, в том числе настолько фантастических, что в существование такого человека верилось с трудом. Однако распоряжения, поступившие от отца, не оставляли места сомнениям: в этот самый день у него состоится обед с доном Кроче. Им двоим предстоит организовать побег с Сицилии величайшего бандита в стране, Сальваторе Гильяно. Майкл Корлеоне не покинет Сицилию без Гильяно.

За краем причала, в каких-то пятидесяти метрах, на узкой улочке ожидал гигантский темный автомобиль. Рядом с ним стояли трое мужчин – темные прямоугольники, вырисовывающиеся на сияющем полотне света, падавшем, словно золотая стена, от самого солнца. Майкл зашагал к ним. Приостановился на мгновение, чтобы прикурить сигарету и осмотреться.

Палермо лежал на дне чаши, образованной потухшим вулканом, окруженный с трех сторон горами, а с четвертой убегающий в ослепительную голубизну Средиземного моря. Город сверкал в золотистых лучах полуденного сицилийского солнца. По земле бежали красные прожилки – словно кровь, впитавшаяся в почву Сицилии за много веков. Золотые лучи заливали горделивые мраморные колонны греческих храмов, острые шпили мусульманских минаретов, узорчатые фасады испанских соборов, а поодаль, в предгорье, мрачно высились стены древнего норманнского замка – наследие, оставленное бесчисленными и жестокими завоевателями, правившими Сицилией со времен до рождения Христа. Выше замковых стен конусы гор сжимали изнеженный Палермо в своих убийственных объятиях: будто две душительницы, изящно опускаясь на колени, затягивали веревку у города на шее. И надо всем этим вспарывали сияющую небесную синь бесчисленные рыжие ястребки.

¹ Capo di Capi – босс боссов (ит.).

Майкл пошел к трем мужчинам, дожидавшимся его в конце причала. Из черных прямоугольников постепенно проявлялись их тела и лица. С каждым шагом он видел их все четче; они чуть расступились, отодвинулись друг от друга, словно готовясь принять его в свои объятия.

Все трое хорошо знали историю Майкла. Младший сын великого дона Корлеоне из Америки, Крестного отца, власть которого простирается до самой Сицилии. Знали, что он убил полицейского в Нью-Йорке, когда казнил там врага империи Корлеоне. И прятался тут, на Сицилии, из-за этих убийств. Теперь же наконец вопрос был улажен, и Майклу предстояло вернуться на родину, чтобы занять законное место кронпринца в семье Корлеоне. Они рассматривали Майкла: как он идет, стремительно и непринужденно, его настороженность, запавшие черты лица – свидетельство пережитых испытаний и опасностей. Очевидно, этот парень заслуживает уважения.

Майкл сошел с пристани, и первым его приветствовал толстомясый священник в рясе и засаленной шляпе. Его белый церковный воротничок был припорошен красной сицилийской пылью, а выше румянилось вполне земное, плотское лицо.

Святой отец Беньямино Мало был братом великого дона Кроче. С виду робкий и богобоязненный, он был всей душой предан знаменитому родственнику и нисколько не стеснялся своей близости с дьяволом. Злые языки судачили даже, что он разглашает дону Кроче секреты, услышанные на исповеди.

Пожимая Майклу руку, отец Беньямино нервно улыбался; ответную дружелюбную улыбку он воспринял с удивлением и облегчением – не похоже, что перед ним убийца.

Второй мужчина держался не столь сердечно, хоть и достаточно вежливо. Это был инспектор Фредерико Веларди, глава сицилийской полиции. Единственный из троих, он не улыбался. Худой, одетый чересчур изысканно для государственного служащего, офицер метал молнии холодными голубыми глазами, унаследованными от какого-то далекого норманнского предка. Инспектор Веларди не собирался восхищаться американцем, убившим высокопоставленного полицейского чина. Пусть только попробует выкинуть что-то в этом роде на Сицилии! Его рукопожатие напоминало скрепление шпаг.

Третий был выше и мощнее их всех и на фоне двух остальных казался настоящей громадиной. Он завладел рукой Майкла, а потом потянул его на себя, заключив в медвежьи объятия.

– Кузен Майкл, – сказал этот человек. – Добро пожаловать в Палермо.

Он отстранился и поглядел на Майкла добродушным, но в то же время опасливым взглядом.

– Я Стефан Андолини, мы с твоим отцом вместе росли в Корлеоне. Я видел тебя в Америке, еще ребенком. Помнишь меня?

Как ни странно, Майкл помнил. Потому что Стефан Андолини – огромная редкость для сицилийцев – был рыжим. Свой цвет волос он нес по жизни как крест, поскольку на Сицилии считалось, что Иуда был рыжеволосым. Лицо ему досталось такое же незабываемое. Рот – огромный и кривой, толстые губы похожи на отрубленные куски мяса; выше них – волосатые ноздри и глаза в глубоких провалах глазниц. Хоть он и улыбался, при взгляде на это лицо в голову сразу закрадывались мысли об убийстве.

Со священником все было ясно. Но присутствие инспектора Веларди стало для Майкла сюрпризом. Андолини по-родственному объяснил Майклу, что инспектор тут как представитель властей. Майкл недоумевал. Что этот человек здесь делает? Веларди считался одним из самых неумолимых преследователей Сальваторе Гильяно. Очевидно было, что они со Стефаном Андолини терпеть друг друга не могут; они вели себя с преувеличенной вежливостью людей, готовых в любой момент сцепиться в смертельной схватке.

Шофер уже распахнул для них дверцу. Отец Беньямино и Стефан Андолини, похлопывая Майкла по спине, усадили его на заднее сиденье. Святой отец с вющим самоуничижением

настоял на том, чтобы расположиться посередине и пропустить Майкла к окну – оттуда удобнее любоваться красотами Палермо. Андолини занял место у другого окна. Инспектор уже нырнул на пассажирское кресло рядом с шофером. Майкл заметил, что он так и не выпустил ручку двери, чтобы в случае чего быстро ее открыть. В голове у него промелькнула мысль, что отец Бенямино уселся посередине, чтобы не стать легкой мишенью.

Словно тяжеловесный черный дракон, автомобиль медленно покатыл по улицам Палермо. По обеим сторонам возвышались изящные особняки в мавританском стиле, приземистые здания общественных учреждений с греческими колоннами, испанские соборы. С балконов жилых домов – выкрашенных синей краской, белой краской, желтой краской – свешивались гирляндами цветы, словно образуя еще одну улицу у них над головой. Очаровательное зрелище – если бы не взводы *карабинери*, итальянской национальной полиции, патрулировавшие каждый угол с винтовками наперевес. Они же глядели с балконов верхних этажей.

Рядом с их автомобилем весь прочий транспорт казался крошечным – в особенности крестьянские телеги, влекомые мулами, на которых доставляли в город продукты. Телеги были раскрашены яркими цветами, вплоть до оглобелей и ободов колес. На бортах были нарисованы рыцари в шлемах и короли в коронах из легенд о Карле Великом и Роланде, старинных героях сицилийского фольклора. Но на некоторых, под изображением красавчика юноши в кожаных штанах и белой рубашке без рукавов, с пистолетами за поясом и ружьем через плечо, Майкл замечал кое-как нацарапанные строки, неизменно заканчивавшиеся большими красными буквами ГИЛЬЯНО.

За время пребывания на Сицилии Майкл немало наслушался про Сальваторе Гильяно. Его имя не сходило со страниц газет. Люди повсюду говорили о нем. Невеста Майкла, Аполлония, как-то призналась, что каждую ночь молится за Гильяно, как и все дети, и практически вся молодежь на Сицилии. Они обожали его, он был одним из них – парень, которым все они мечтали стать. Несмотря на молодость – чуть старше двадцати лет, – Гильяно слыл великим полководцем, потому что одолел целую армию *карабинери*, выставленную против него. Он был красив и щедр и большую часть добычи раздавал бедным. Он был благороден и не позволял своим бандитам трогать женщин и священников. Если ему приходилось казнить предателя, тот всегда имел возможность произнести молитву и снять груз с души, чтобы вступить в Царствие Небесное примиренным с тамошними законами. Все это Майкл давно знал.

Они свернули с проспекта, и его взгляд привлек плакат, отпечатанный крупными черными буквами. Единственное, что он успел прочесть, была фамилия ГИЛЬЯНО в заголовке. Отец Бенямино наклонился к окну и сказал:

– Одна из прокламаций Гильяно. По ночам Палермо по-прежнему принадлежит ему.

– Что там сказано? – спросил Майкл.

– Он позволяет жителям Палермо снова ездить на трамваях, – ответил отец Бенямино.

– Позволяет? – спросил Майкл с улыбкой. – Преступник позволяет?

Стефан Андолини на другом краю сиденья расхохотался:

– *Карабинери* ездят на трамваях, поэтому Гильяно взрывает их. Но сначала он предупредил людей, чтобы не садились туда. Теперь он обещает, что взрывов не будет.

– И зачем Гильяно взрывать трамваи с полицией? – сухо осведомился Майкл.

Инспектор Веларди повернул голову, сверкнув на него глазами:

– Потому что Рим по глупости арестовал его отца и мать за пособничество преступнику, их собственному сыну. Республика не отменяла фашистских законов.

Отец Бенямино с потаенной гордостью сказал:

– Мой брат, дон Кроче, договорился об их освобождении. О, мой брат сильно рассердился на Рим.

Боже, подумал Майкл. Дон Кроче рассердился на Рим? Да кто такой этот дон Кроче, кроме того что он *pezzonovante*² в мафии?

Машина остановилась перед особняком розового цвета, занимавшим целый квартал. По углам особняк украшали голубые минареты. Перед входом, накрытым маркизами в зеленую полоску с надписью «Отель Умберто», стояли два швейцара в ослепительных униформах с золотыми пуговицами. Однако Майкла это великолепие не впечатлило.

Он окинул натренированным взглядом улицу перед отелем и приметил по меньшей мере с десятков охранников, которые прохаживались парами или стояли, прислонившись к кованым решеткам. Эти парни даже не скрывались: под расстегнутыми пиджаками были видны пистолеты в кобурах. Двое с тонкими сигарками во рту на мгновение преградили Майклу путь, стоило ему вылезти из машины; они разглядывали его, будто прикидывая, какого размера придется копать могилу. Инспектора Веларди и остальных охранники проигнорировали.

Конец коридора перегораживали массивные дубовые двери. Мужчина, сидевший на стуле с высокой спинкой, похожем на трон, поднялся и отпер двери бронзовым ключом. А потом поклонился, заговорщицки улыбнувшись отцу Беньямино.

За дверями начиналась величественная анфилада залов; сквозь французские окна до пола был виден роскошный сад, откуда долетал аромат лимонных деревьев. Войдя, Майкл сразу заметил двух охранников в одном из залов. Он задумался, зачем дону Кроче столько охраны. Он – друг Джулиано, конфидент министра юстиции в Риме; ему не грозят *карабинери*, наводнившие Палермо. Тогда кого – или чего – боится великий дон? Кто его враг?

Мебель в гостиной явно создавалась для итальянского дворца – гаргантюанские кресла, диваны, длиной и шириной с небольшую яхту, массивные мраморные столы, словно украденные из музея. Подходящая обстановка для мужчины, который вышел из сада, чтобы приветствовать их.

Руки его были распростерты для объятия, предназначенного Майклу Корлеоне. Стоя, дон Кроче был примерно одного размера что в высоту, что в ширину. Густые волосы с проседью, кучерявые, как у негра, элегантно подстриженные, венчали крупную львиную голову. Глаза, черные, как у ящерицы, походили на две изюмины, торчавшие из жирных щек. Щеки эти были словно вырезаны из красного дерева: левая гладкая, а вторая – перекошенная от избытка плоти. Рот под тонкими усиками выглядел на удивление нежным. Объединял эти разнородные черты между собой толстый величественный нос.

Однако голова императора сидела на теле крестьянина. Безразмерные, кое-как подогнанные брюки обхватывали необъятную талию, держась на широких светлых подтяжках. Просторная рубаша была белая, свежевystиранная, но неглаженная. На нем не было ни галстука, ни пиджака, и по мраморному полу он ступал босыми ногами.

Дон Кроче не выглядел человеком, который получает свою «десятину» с каждого бизнеса в Палермо вплоть до лотков уличных торговцев. Сложно было поверить, что на его совети тысячи смертей. Что он правил Западной Сицилией дольше, чем нынешнее правительство в Риме. И что он богаче герцогов и баронов, владеющих крупнейшими сицилийскими поместьями.

Объятие, в которое дон Кроче заключил Майкла, было легким, мимолетным; одновременно он сказал: «Я знал твоего отца, когда мы оба были детьми. Рад, что у него такой хороший сын». Дальше спросил, как добрался его гость и не нужно ли ему чего. Майкл улыбнулся и ответил, что не отказался бы от корки хлеба и глотка вина. Дон Кроче немедленно повел его в сад, поскольку, как все сицилийцы, старался по возможности есть на свежем воздухе.

Стол им накрыли под лимонным деревом. Там сверкало отполированное стекло, белели льняные салфетки и скатерти. Слуги отодвинули для них удобные бамбуковые кресла. Дон

² Большой человек, главный (*ит.*).

Кроче наблюдал за тем, как Майкл усаживается, с живостью, удивительной для его возраста – ему уже перевалило за шестьдесят. Майкла он усадил по правую руку, а своего брата, священника, – по левую. Инспектор Веларди и Стефан Андолини заняли места напротив; на них он глядел с прохладцей.

Все сицилийцы любят поесть; одна из немногочисленных шуток про дона Кроче, на которые тут осмеливались, гласила, что он предпочтет добрый обед доброму убийству. И вот дон Кроче сидел с благосклонной ухмылкой на лице, вооружившись ножом и вилкой, а слуги подносили и подносили еду. Майкл обвел взглядом сад. Его окружала высокая каменная стена, и по меньшей мере десять охранников сидели за собственными маленькими столиками – по двое, не больше, и на достаточном расстоянии, чтобы не стеснять дона Кроче и его собеседников. Сад благоухал лимонным цветом и оливковым маслом.

Дон Кроче собственноручно накладывал Майклу жареную курицу и картофель, следил за тем, как ему трут сыр на спагетти в отдельной тарелочке, подливал в бокал мутноватое местное белое вино. Все это он проделывал с искренней заботой, словно для него очень важно, чтобы новый друг хорошо поел и попил. Майкл проголодался – с самого рассвета у него маковой росинки не было во рту, – и дону неоднократно пришлось подкладывать ему добавки. Он приглядывал и за остальными гостями, время от времени жестом указывая прислуге наполнить бокал или добавить в тарелку еды.

Наконец они наелись, и дон, получив свою чашку эспresso, приступил к разговору о делах.

– Значит, – обратился он к Майклу, – ты собираешься помочь нашему другу Гильяно сбежать в Америку?

– Так мне велено, – ответил Майкл. – Я должен проследить за тем, чтобы он добрался до Америки без приключений.

Дон Кроче кивнул; на его мясистом красном лице застыло сонное выражение объевшего толстяка. Голос – звонкий тенор – до странности не соответствовал его телосложению.

– Мы с твоим отцом договорились, что я доставлю Сальваторе Гильяно к тебе. Но жизнь не всегда течет гладко, случаются и неожиданности. Мне будет трудновато выполнить свою часть сделки.

Он поднял руку, показывая, чтобы Майкл не перебивал:

– Моей вины тут нет. Я действовал по плану. Но Гильяно больше никому не доверяет – даже мне. Многие годы, практически с первого дня, как его объявили вне закона, я помогал ему; мы были партнерами. С моей помощью он стал большим человеком на Сицилии, хотя ему и сейчас всего-то двадцать семь лет. Однако время его истекает. Пять тысяч итальянских солдат и полевой полиции рыщут по горам, разыскивая его. И все равно он отказывается мне довериться.

– Тогда я ничем не смогу ему помочь, – сказал Майкл. – Мне приказано ждать не больше семи дней, а потом уплывать в Америку.

Произнося это, он продолжал гадать, почему для его отца так важно обеспечить побег Гильяно. Майкл мечтал скорее оказаться дома после долгих лет ссылки. Он беспокоился о здоровье отца. Когда Майкл бежал из Америки, его отец лежал, тяжело раненный, в больнице. После его побега старший брат Санни был убит, а семья Корлеоне вела отчаянную битву за выживание против Пяти Семейств в Нью-Йорке. Битву, которая из Америки распространилась и на Сицилию, унеся жизнь невесты Майкла. Правда, отцовские посланники сообщали, что старый дон оправился от ран, примирился с Пятью Семействами и устроил так, чтобы все обвинения с Майкла сняли. Однако тот знал, что отец ждет его возвращения, ведь он был правой рукой дона Вито Корлеоне. Что всей семье не терпится воссоединиться с ним – его сестре Конни, брату Фредди, сводному брату Тому Хейгену и его бедной матери, которая наверняка до сих пор оплакивает беднягу Санни. На мгновение Майклу вспомнилась Кей: как она, не

забыла о нем после двух лет разлуки? Но самым главным был другой вопрос: почему отец оттягивает его возвращение? Наверняка причина очень важная – и она связана с Гильяно.

Внезапно Майкл осознал, что инспектор Веларди буравит его своими холодными голубыми глазами. Его тонкое аристократическое лицо выражало презрение – он словно заподозрил Майкла в трусости.

– Будем терпеливы, – сказал дон Кроче. – Наш друг Андолини по-прежнему поддерживает связь с Гильяно и его семьей. Нам надо поразмыслить всем вместе. Отсюда ты отправишься к отцу и матери Гильяно в Монтелепре, это по пути в Трапани.

Он сделал паузу и улыбнулся; жирные щеки при этом даже не шевельнулись.

– Я в курсе твоих планов. Всех.

На последнем слове он сделал особый упор, но, подумал Майкл, всех планов он знать никак не мог. Крестный отец никогда и никому не говорил всего, от начала до конца.

Дон Кроче вкрадчиво продолжал:

– Все мы, кто на стороне Гильяно, согласны в двух вещах. Ему нельзя дальше оставаться на Сицилии, и он должен перебраться в Америку. Инспектор Веларди того же мнения.

– Это странно даже для Сицилии, – сказал Майкл с улыбкой. – Инспектор возглавляет полицию; он присягал, что будет ловить таких, как Гильяно.

Дон Кроче усмехнулся – короткий механический смешок.

– Сицилия, кто ее поймет... Вообще-то все просто. Рим предпочитает, чтобы Гильяно посиживал спокойно в Америке, а не выступал с разоблачениями со скамьи подсудимых в Палермо. Дело в политике.

Майкл был потрясен. Его охватило острое беспокойство. План рушился на глазах.

– Зачем инспектору Веларди помогать ему бежать? Мертвый Гильяно не представляет угрозы.

Недовольным тоном инспектор Веларди заметил:

– Я именно так и поступил бы. Но дон Кроче любит его, как родного сына.

Стефан Андолини вперил в инспектора зловещий взгляд. Отец Беньямино опустил голову и сделал глоток из своего бокала. Однако дон Кроче строго сказал, обращаясь к полицейскому:

– Мы все здесь друзья и должны говорить Майклу правду. У Гильяно имеется один козырь. Он ведет дневник – называет его своим «Завещанием». Там есть доказательства, что правительство в Риме, кое-какие чиновники, помогали ему, пока он разбойничал. Ради своих политических целей. Если этот дневник обнародовать, христианское демократическое правительство падет – и Италией будут править социалисты с коммунистами. Инспектор Веларди согласен, что это необходимо любой ценой предотвратить. Потому он и готов помочь Гильяно – с условием, что его «Завещание» не будет предано огласке.

– А вы видели это «Завещание»? – спросил Майкл. Интересно, отец знает о нем? В указаниях, полученных Майклом, оно не упоминалось.

– Я знаю его содержание, – ответил дон Кроче.

Инспектор Веларди воскликнул:

– Будь моя воля, я приказал бы убрать Гильяно – и к черту его «Завещание»!

Стефан Андолини зыркнул на инспектора с ненавистью такой острой и неприкрытой, что Майкл впервые осознал – этот человек не менее опасен, чем сам дон Кроче.

– Гильяно никогда не сдастся, – сказал Андолини, – а у вас кишка тонка, чтобы отправить его в могилу. Занимайтесь лучше своими делами.

Дон Кроче медленно поднял ладонь, и за столом воцарилось молчание. Он медленно проговорил, обращаясь к Майклу и игнорируя всех остальных:

– Возможно, я не смогу сдержать обещание, данное твоему отцу, и доставить тебе Гильяно. Не могу сказать, почему дон Корлеоне так в этом заинтересован; наверняка у него

имеются на то причины, и причины весомые. Но что я могу поделать? Сегодня ты поедешь к родителям Гильяно. Постарайся убедить их, что их сын может мне доверять, и напomini этим добрым людям, что именно я вызволил их из тюрьмы. – На мгновение он замолчал. – Тогда, возможно, мы сумеем ему помочь.

За годы вынужденной ссылки у Майкла выработалось животное чутье на любого рода опасность. Ему не нравился инспектор Веларди, он боялся Стефана Андолини, жестокого убийцы, при взгляде на отца Беньямино у него по спине бежал холодок. А главный сигнал тревоги исходил от самого дона Кроче.

Люди за столом, обращаясь к нему, почтительно понижали голос – даже его брат, отец Беньямино. Они склоняли головы в ожидании ответа, забывая жевать. Слуги кружили вокруг него, словно он был солнцем; охранники, расставленные по саду, не спускали с него глаз, готовые по первому приказу броситься и порвать любого в клочья.

– Дон Кроче, – осторожно сказал Майкл, – я здесь, чтобы выполнять ваши поручения.

Тот одобрительно кивнул своей крупной головой, сложил ухоженные руки на животе и певучим тенором произнес:

– Мы должны быть предельно откровенны друг с другом. Скажи мне, каков план побега Гильяно? Откройся, как сын родному отцу.

Майкл коротко глянул на инспектора Веларди. Не хватало еще откровенничать в присутствии главы полиции Сицилии! Дон Кроче немедленно все понял.

– Инспектор Веларди полностью следует моим указаниям, – сказал он. – Можешь доверять ему, как мне самому.

Майкл поднес к губам бокал с вином. Поверх его края он видел охранников, наблюдающих за ними, – зрители на спектакле. От него не ускользнула гримаса на лице Веларди, который явно не оценил дипломатии дона, однозначно давшего понять: он командует и инспектором, и его ведомством. Заметил он и то, как нахмурил лоб губастый Стефан Андолини. Только отец Беньямино избегал его взгляда, держа голову опущенной. Майкл допил мутное белое вино, и слуга немедленно наполнил бокал. Внезапно сад показался Майклу крайне опасным местом.

Спинным мозгом он чувствовал, что слова дона Кроче не могут быть правдой. С какой стати кому-либо за этим столом доверять главе тайной полиции Сицилии? Гильяно ему точно не доверился бы. История Сицилии полнится предательствами, думал Майкл с горечью, достаточно вспомнить его покойную жену. Тогда почему дон Кроче так доверчив? И зачем столько охраны вокруг? Дон Кроче – предводитель мафии. У него связи с правительством в Риме, по сути, он – его неофициальный представитель на Сицилии. Так чего же ему бояться? Разве что Гильяно.

Дон сверлил его взглядом. Майкл постарался придать своему голосу максимальную искренность:

– Мой план прост. Я буду ждать в Трапани, пока Сальваторе Гильяно доставят ко мне. Доставите вы и ваши люди. На быстроходном катере мы уплывем с ним в Африку. Естественно, со всеми необходимыми документами. А из Африки улетим в Америку – там уже договорено, чтобы мы прошли таможеню без обычных формальностей. Надеюсь, все пройдет так же легко, как я сейчас сказал. – На мгновение он сделал паузу. – Если только вы мне не отсоветуете.

Дон вздохнул и глотнул вина из бокала. Потом снова впери́л взгляд в Майкла. Заговорил – медленно и веско:

– Сицилия – трагический край. Тут нет доверия. Нет порядка. Только жестокость и предательство, зато в изобилии. Ты полон подозрений, мой юный друг, и у тебя есть на это право. Как и у нашего Гильяно. Вот что я тебе скажу: Тури Гильяно не продержался бы без моей защиты; мы с ним были как два пальца одной руки. А теперь он считает меня своим врагом. Ты и представить не можешь, как это меня огорчает. Единственное, о чем я мечтаю, – это как Тури Гильяно однажды вернется к своей семье и будет объявлен героем Сицилии. Он – истинный

христианин и храбрый человек. С сердцем таким добрым, что нет ни одного сицилийца, кто не любил бы его. – Дон Кроче остановился, сделал еще глоток. – Но ситуация складывается не в его пользу. Он один, в горах, с горсткой людей противостоит армии, которую Италия наслала на него. Его предадут на каждом шагу. Потому он никому не доверяет, даже самому себе.

На миг взгляд донна, направленный на Майкла, стал ледяным.

– Я с тобой до конца откровенен, – сказал он. – Не люби я Гильяно так сильно, возможно, я дал бы тебе совет, который не должен давать. Возможно, я сказал бы, со всей искренностью: езжай-ка ты домой в Америку без него. Мы подходим к концу трагедии, которая тебя никак не касается... – Он снова сделал паузу и вздохнул. – Но, конечно, ты наша единственная надежда, и я вынужден просить тебя остаться и помочь. Я окажу всю возможную поддержку и никогда не брошу Гильяно. – Поднял свой бокал: – Да живет он тысячу лет!

Все они выпили; Майкл тем временем судорожно размышлял. Чего хочет дон: чтобы он остался или чтобы бросил Гильяно?

Заговорил Стефан Андолини:

– Помнишь, мы обещали родителям Гильяно, что Майкл навестит их в Монтелепре?

– Безусловно, – мягко согласился дон. – Мы должны дать им хоть какую-то надежду.

– Они могут знать что-то о «Завещании», – настойчиво вставил отец Беньямино.

Дон Кроче вздохнул:

– Да, «Завещание» Гильяно... Он считает, оно спасет ему жизнь или, по крайней мере, отомстит за его смерть. – Он обратился прямо к Майклу: – Запомни это. Рим боится «Завещания», а я не боюсь. И скажи его родителям: что написано на бумаге, влияет на историю. Но не на жизнь. Жизнь – это другая история.

* * *

От Палермо до Монтелепре было не больше часа езды. Но за этот час Майкл с Андолини перенесли из городской цивилизации в самую что ни на есть примитивную сицилийскую глушь. Стефан Андолини вел крошечный «Фиат»; под солнечным светом на его выбритых щеках и подбородке точками проступали ярко-рыжие колючки отрастающей щетины. Ехал он медленно, осторожно – как все, кто выучился водить уже в зрелом возрасте. «Фиат» пыхтел, словно ему не хватало воздуха, карабкаясь вверх на горный кряж.

Пять раз их останавливали на постах национальной полиции – в каждом по меньшей мере человек двенадцать и фургон, ошетилившийся автоматами. Бумаги, которые показывал Андолини, освобождали им путь.

Майклу казалось странным, как местность могла стать такой дикой и первобытной на столь малом отдалении от величественного Палермо. Они проезжали мимо крошечных деревенек с каменными домами, опасно балансирующими на горных склонах. Склоны эти были тщательно возделаны и превращены в террасы, где аккуратными грядками поднимались какие-то колючие растения. Небольшие холмики усыпали гигантские белые валуны, полускрытые мхом и бамбуковыми стеблями; издалека они походили на заброшенные кладбища.

Вдоль дороги стояли часовенки – деревянные будки с навесными замками, над которыми возвышалась статуэтка Девы Марии или какого-то местного святого. У одной из таких часовен Майкл увидел женщину: она молилась, опустившись на колени, а муж, сидя в тележке с запряженным в нее осликом, потягивал из бутылки вино. Голова ослика свешивалась вниз, как у великомученика.

Стефан Андолини похлопал Майкла по плечу и сказал:

– Как же я рад тебя видеть, дорогой кузен! Ты знал, что Гильяно с нами в родстве?

Майкл был уверен, что это ложь, – понял по его лисьей ухмылке.

– Нет, – ответил он. – Я только знаю, что его родители работали на моего отца в Америке.

– И я тоже, – сказал Андолини. – Мы помогали твоему отцу строить его дом на Лонг-Айленде. Старый Гильяно – отличный каменщик, и хотя твой отец предлагал ему не уезжать и заняться торговлей оливковым маслом, тот остался верен своему ремеслу. Восемнадцать лет он вкалывал, как негр, и экономил, как еврей. Потом вернулся на Сицилию, чтобы зажить, как англичанин. Да только война и Муссолини превратили его лиры в пыль, и теперь он владеет лишь своим домом да крошечным клочком земли под огород. Проклинает тот день, когда уехал из Америки. Они думали, их сын будет расти, как принц, а теперь он – преступник...

«Фиат» поднимал за собой шлейф пыли; росшие вдоль дороги бамбук и дикие груши были похожи на призраков, и гроздьев груш казались подобием человеческих ладоней. В долине виднелись оливковые рощи и виноградники. Внезапно Андолини сказал:

– Тури был зачат в Америке. – Он увидел вопросительное выражение в глазах Майкла. – Да, был зачат в Америке, но родился на Сицилии. Еще пара месяцев, и Тури стал бы американским гражданином... – Сделал паузу. – Он часто об этом говорит. Как думаешь, ты правда сможешь ему бежать?

– Я не знаю, – ответил Майкл. – После этого обеда с инспектором и доном Кроче я вообще перестал что-либо понимать. Они хотят, чтобы я помог? Отец говорил, дон этого хочет. Но он не упоминал об инспекторе.

Андолини пятерней зачесал со лба редющие волосы. Нечаянно нажал на педаль газа, и «Фиат» дернулся вперед.

– Гильяно и дон Кроче теперь враги, – сказал он. – Но мы все спланировали без дона Кроче. Тури и его родители рассчитывают на тебя. Они знают, что твой отец никогда не предавал друзей.

– А на чьей стороне ты? – спросил Майкл.

Андолини выпустил вздох.

– Я за Гильяно, – ответил он. – Мы были с ним товарищами последние пять лет, а до того он спас мне жизнь. Но я живу на Сицилии и не могу бросить вызов дону Кроче в лицо. Я хожу по тонкой проволоке между ними двумя, но никогда не предам Гильяно.

Майкл подумал: «Да что, черт побери, несет этот человек? Почему ни от кого из них нельзя добиться прямого ответа?» Потому что это Сицилия. Сицилийцы боятся правды. Тираны и инквизиторы тысячелетиями пытались выбить у них эту правду под пыткой. Правительство в Риме со своими законами требовало правды. Священники в исповедальнях добивались правды, грозя вечным проклятием. Но правда – источник власти, инструмент контроля, так зачем же кому-то ее выдавать?

«Мне придется найти собственный путь, – думал Майкл, – или вообще бросить это дело и поторопиться домой». Здесь он был на опасной территории: между Гильяно и доном Кроче определенно шла вендетта, а оказаться в эпицентре сицилийской вендетты сродни самоубийству. Сицилийцы убеждены, что месть – единственное истинное правосудие и что она должна быть беспощадной. На этом католическом острове, где в каждом доме есть статуэтка истекающего слезами Христа, христианское милосердие считалось презренным прибежищем трусов.

– Почему Гильяно с доном Кроче стали врагами? – спросил Майкл.

– Из-за трагедии в Портелла-делла-Джинестра, – ответил Андолини. – Два года назад. С тех пор все уже не было прежним. Гильяно обвинил дона Кроче.

Внезапно машина практически отвесно покатила вниз – дорога теперь спускалась с гор в долину. Они проехали развалины норманнского замка, построенного с целью наводить страх на жителей окрестных деревень девять веков назад, а теперь населенного лишь безобидными ящерицами да козами, отбившимися от стада. Внизу уже виден был Монтелепре.

Городок располагался в расщелине между гор, словно бадья в жерле колодца. Он обривал идеальную округлость – ни одного домика не выходило за его границы; в вечернем солнце каменные стены полыхали багровым огнем. «Фиат» уже въезжал на узкую извилистую

улочку; Андолини нажал на тормоза и остановил машину перед заставой со взводом *карабинери*, что преградили им путь. Один махнул винтовкой, приказывая вылезать.

Майкл смотрел, как Андолини показывает полиции свои бумаги. Он заметил особый пропуск в красной рамке – его мог выдать только лично министр юстиции в Риме. У Майкла имелся такой же, но ему велели показывать пропуск только в самом крайнем случае. Откуда у этого Андолини столь серьезный документ?

Они снова покатали по узким улочкам Монтелепре, где не могли бы разъехаться две машины. Домики украшали элегантные балконы, все они были выкрашены в разные цвета. Много синих, поменьше белых, совсем мало розовых. Очень редко попадались желтые. В это время дня женщины сидели по домам – готовили ужин для мужей. Детей на улицах не было тоже. Зато на каждом углу стояли парами *карабинери*. Монтелепре походил на оккупированную территорию в военное время. Лишь несколько стариков с каменными лицами смотрели вниз с балконов.

«Фиат» остановился перед рядом совмещенных домов, один из которых был ярко-голубого цвета; кованую калитку украшала буква Г. Калитку открыл невысокий жилистый мужчина лет шестидесяти в американском костюме – темном, в полоску – и белой рубашке с черным галстуком. Это был отец Гильяно. Он коротко, но с теплотой обнял Андолини. Майкла похлопал по плечу чуть ли не с благодарностью, а потом повел их обоих в дом.

У отца Гильяно было лицо человека, ожидающего кончины смертельно больного родственника, очень любимого. Он прилагал усилия, чтобы контролировать свои эмоции, но рукой то и дело касался лица, словно для того, чтобы удерживать его черты на месте. Тело его было как каменное, и двигался он скованно, пошатываясь на ходу.

Они вошли в просторную гостиную, роскошную для сицилийского жилища в таком крошечном городке. Над всем там царила гигантская увеличенная фотография, слишком размытая, чтобы сразу узнать лицо на ней, в деревянной раме кремового цвета. Майкл тут же понял, что это должен быть Сальваторе Гильяно. Под фотографией на круглом черном столике горела лампадка. На другом столе стоял еще один снимок, более четкий. Отец, мать и сын на фоне красного занавеса; сын по-хозяйски обнимает мать за плечи. Сальваторе Гильяно смотрел прямо в камеру, словно бросая ей вызов. Лицо у него было удивительной красоты – как у греческой статуи, с чертами чуть тяжеловатыми, будто выточенными из мрамора, полными чувственными губами и широко расставленными овальными глазами под полуприкрытыми веками. Лицо человека, не испытывающего сомнений, готового противостоять всему миру. Чего Майкл никак не ожидал в нем увидеть, так это добродушного обаяния.

Там были и еще фотографии Гильяно – с сестрами и их мужьями, – но они тонули в темноте на угловых столиках.

Отец Гильяно провел их в кухню. Мать, готовившая ужин, отвернулась от плиты, чтобы поздороваться. Мария Ломбардо Гильяно выглядела гораздо старше, чем на фотографии в гостиной, – казалось, это вообще другая женщина. Улыбка на ее изможденном костлявом лице напоминала гримасу, кожа была морщинистой и грубой. В волосах длиной до плеч, все еще пышных, прядями белела седина. Больше всего поражали ее глаза – почти черные от всепоглощающей ненависти к миру, грозившему уничтожить и ее, и ее сына.

Не обращая внимания на мужа и Стефана Андолини, она обратилась прямо к Майклу:

– Так вы поможете моему сыну или нет?

Мужчин ее прямота, похоже, смутила, но Майкл лишь улыбнулся в ответ:

– Да, я с вами.

Напряжение отчасти спало; она склонила голову и поднесла ладони к лицу, словно заслоняясь от удара. Андолини сказал примирительно:

– Отец Беньямино собирался приехать, но я объяснил, что вы этого не хотели бы.

Мария Ломбардо подняла голову, и Майкл удивился тому, с какой отчетливостью все эмоции читались у нее на лице. Презрение, ненависть, страх, ирония ее слов отразились в язвительной улыбке, которую она не смогла подавить.

– Ну да, у отца Беньямино такое доброе сердце, кто бы сомневался, – произнесла она. – И это добросердечие хуже чумы выкашивает целые деревни. Он словно листья сизаля: только тронь – и прольется кровь. Выдает тайну исповеди своему братцу, торгует живыми душами, служа дьяволу...

Отец Гильяно сказал смиренно, словно пытаюсь уговорить безумца:

– Дон Кроче – наш друг. Он вытащил нас из тюрьмы.

Мать Гильяно вскинулась:

– Ах, дон Кроче, Добрая Душа, всегда придет на помощь. Но вот что я вам скажу: дон Кроче – настоящая змея. Целится вперед, а расстреливает тех, кто с ним рядом. Они с нашим сыном должны были править на Сицилии вместе, а теперь Тури прячется один в горах, а Добрая Душа, свободный, как ветер, разгуливает по Палермо со своими шлюхами. Дон Кроче достаточно свистнуть, и Рим будет лизать ему пятки. Он совершил куда больше преступлений, чем наш Тури. Он – плохой человек, а наш сын – хороший. Будь я мужчиной, как вы, я убила бы дон Кроче. Отправила бы Добрую Душу на небеса. – Она передернулась от отвращения. – Вы, мужчины, ничего не понимаете.

Отец Гильяно произнес нетерпеливо:

– Через пару часов нашему гостю снова отправляться в путь; ему надо подкрепиться, прежде чем мы станем говорить.

Мать Гильяно тут же переменилась. Воскликнула покаянно:

– Бедняжка, ты ехал весь день, чтобы нас повидать, да еще выслушивал вранье дон Кроче и мои жалобы... Куда ты дальше?

– К утру мне надо быть в Трапани, – ответил Майкл. – Поживу у друзей отца, пока ваш сын не придет ко мне.

В комнате воцарилось молчание. Майкл понимал, что все они знают его историю. Знают, с какой раной он жил последние два года и что скрывается за его непроницаемым лицом. Мать Гильяно подошла к нему и заключила в объятия.

– Выпей вина, – сказала она. – А потом идите прогуляйтесь по городу. Через час ужин будет на столе. Друзья Тури тоже подъедут, и мы сможем поговорить.

В сопровождении Андолини и отца Гильяно Майкл отправился бродить по узким мощеным улочкам Монтелепре. Солнце село, и камни брусчатки почернели. В синей сумрачной дымке только фигуры *карабинери*, бойцов национальной полиции, двигались с ними рядом. На каждом перекрестке от виа Белла ответвлялись, змеясь, тесные переулки. Город казался пустынным.

– Некогда это было оживленное место, – сказал отец Гильяно. – Бедное, конечно, как вся Сицилия, даже нищее, но полное жизни. Теперь больше семисот наших мужчин сидят в тюрьме за пособничество моему сыну. Они невиновны, практически все, но правительство арестовало их в назидание остальным, чтобы те доносили на Тури. В городе больше двух тысяч полицейских, и еще тысячи рыщут по горам в поисках моего сына. Поэтому люди не ужинают больше на воздухе, а дети не играют на улицах. Полицейские такие трусы, что палят из ружей, стоит кролику выскочить на дорогу. С наступлением темноты объявляется комендантский час; если женщина выйдет к соседке и ее поймут, то будут осыпать оскорблениями и упреками. Мужчин они увозят, чтобы пытать в подземельях Палермо... – Он вздохнул: – В Америке такое невозможно. Я проклинаю день, когда уехал оттуда.

Стефан Андолини остановил их, собираясь раскурить маленькую сигару. Выпустив дым, он сказал с улыбкой:

– По правде, все сицилийцы предпочтут вонь дерьма в своих селах аромату духов в Париже. Что я тут делаю? Я мог сбежать в Бразилию, как многие другие. Но нет, мы любим родные края, мы, сицилийцы. Это Сицилия не любит нас.

Отец Гильяно пожал плечами:

– Я дурак, что вернулся назад. Подожди я пару месяцев, Тури родился бы американским гражданином. Но, видно, воздух этой страны проник его матери в чрево... – Он рассерженно потряс головой: – Почему мой сын вечно вступается за других людей, даже тех, с кем не связан по крови? У него такие грандиозные замыслы, он постоянно говорит о справедливости... Настоящие сицилийцы говорят о хлебе насущном.

Идя по виа Белла, Майкл думал о том, что этот городок идеально подходит для засад и партизанской войны. Улицы были такие узкие, что двум машинам не разминуться, по многим вообще могли проехать лишь тележки да ослики, на которых сицилийцы до сих пор перевозили грузы. Пара человек могла сдерживать тут вражескую армию, а потом бежать в белые меловые горы, окружавшие город.

Они спустились на центральную площадь. Андолини указал на церковку, возвышавшуюся над ней, и сказал:

– В этой церкви национальная полиция попыталась поймать Тури в первый раз. С тех пор он превратился в призрак.

Трое мужчин посмотрели на церковные двери, словно ожидая появления Сальваторе Гильяно.

Солнце опустилось за горы; они успели вернуться домой до комендантского часа. Внутри их дожидались двое незнакомцев – точнее, не знал их только Майкл, потому что с отцом Гильяно они обнялись, а со Стефаном Андолини обменялись рукопожатиями.

Первый был молодой, стройный, с болезненно-желтой кожей и лихорадочным светом в огромных темных глазах. Над верхней губой у него красовались щегольские усики, и весь он казался чуть ли не по-женски привлекательным, но точно не изнеженным. Вид у него был кровожадный, как у человека, стремящегося к могуществу любой ценой.

Его представили как Гаспара Пишотту – к вящему потрясению Майкла. Пишотта был правой рукой Тури Гильяно, его двоюродным братом и самым близким другом. Как заместителя Гильяно Пишотту разыскивали по всей Сицилии, обещая за его голову награду в пять миллионов лир. По рассказам, которые Майклу доводилось слышать, он представлял себе Гаспара Пишотту куда более опасным и грозным. И вот Пишотта стоял перед ним – худой, с чахоточным румянцем. Посреди Монтелепре, окруженного двумя тысячами бойцов военной полиции из Рима.

Второй удивил его не меньше, хоть и по другой причине. При первом взгляде на него Майкл непроизвольно вздрогнул. Мужчина был такого маленького роста, что сошел бы за карлика, но держался с большим достоинством; Майклу стало ясно, что его реакция могла быть воспринята как смертельное оскорбление. Он был одет в прекрасно сшитый серый костюм в полоску и белую сорочку с серебристым галстуком. У мужчины были густые, почти совсем седые волосы, хотя по виду ему едва перевалило за пятьдесят, и мрачное, но красивое лицо с большим чувственным ртом.

Он заметил, что Майклу неловко, и приветствовал его иронической снисходительной улыбкой. Мужчину представили как профессора Гектора Андониса.

Мария Ломбардо Гильяно уже накрыла в кухне на стол. Они поели у окна перед балконом, откуда просматривалось небо в красных полосах заката и горы, на которые спускалась ночная тень. Майкл медленно жевал, сознавая, что все смотрят на него и оценивают про себя. Ужин был простой, но вкусный – спагетти с чернилами каракатицы и тушеная крольчатина под томатным соусом с острым красным перцем. Наконец Гаспар Пишотта заговорил на сицилийском диалекте:

– Значит, вы сын Вито Корлеоне, который влиятельней даже нашего дона Кроче – по крайней мере, так говорят. И вы спасете нашего Тури.

В голосе у него сквозила холодная насмешка, словно приглашавшая бросить ему вызов – если кто осмелится. Его улыбка ставила под сомнение мотивы каждого действия собеседника, как бы говоря: «Да, ты делаешь хорошее дело, но каков твой собственный интерес?» При всем том в ней не было ни грана неуважения; он знал историю Майкла, они были сообщниками.

– Я исполняю приказ отца, – сказал Майкл. – Мне велено ждать в Трапани, когда Гильяно придет ко мне. Потом я увезу его в Америку.

Пишотта произнес, уже серьезно:

– После того как Тури окажется у вас в руках, вы гарантируете его безопасность? Вы сможете защитить его от Рима?

Мать Гильяно не сводила с Майкла глаз; ее лицо застыло в тревоге. Он осторожно сказал:

– Настолько, насколько человек может гарантировать нечто наперекор судьбе. Да, я уверен.

Он видел, что лицо матери расслабилось, но Пишотта бросил резко:

– А я – нет. Этим утром вы доверились дону Кроче. Изложили ему план побега.

– Почему бы и нет? – парировал Майкл. Как, черт побери, Пишотта прознал детали их разговора с доном Кроче в столь короткий срок?

– Отец сказал мне, что дон Кроче должен будет организовать доставку Гильяно. В любом случае я изложил ему только один план.

– А есть другие? – поинтересовался Пишотта. Он видел, что Майкл колеблется. – Говорите свободно. Если считать, что люди в этой комнате не заслуживают доверия, то для нашего Тури больше не останется надежды.

Коротышка – Гектор Адонис – впервые за все время раскрыл рот. У него оказался на редкость низкий голос – голос прирожденного оратора, способного убедить кого угодно.

– Дорогой мой Майкл, вы должны понять, что дон Кроче – враг Тури Гильяно. Сведения вашего отца устарели. Мы никак не можем доставить вам Тури без дополнительных предосторожностей.

Он говорил на литературном итальянском, как в Риме, а не на сицилийском диалекте.

Вмешался отец Гильяно:

– Дон Корлеоне обещал спасти моего сына, и я ему верю. Тут вопросов быть не может.

– Я настаиваю, – заявил Гектор Адонис. – Мы должны знать ваши планы.

– Могу вам сказать то же, что сказал дону Кроче, – произнес Майкл. – Но зачем мне разглашать другие планы? Если б я спросил вас, где сейчас прячется Тури Гильяно, разве вы мне сказали бы?

Майкл заметил, как Пишотта улыбнулся, явно одобряя его ответ. Но Гектор Адонис стоял на своем:

– Это не одно и то же. Вам незачем знать, где скрывается Тури. Мы должны быть в курсе ваших планов, чтобы помочь.

– Я вас совсем не знаю, – тихо заметил Майкл.

На красивом лице Гектора Адониса вспыхнула обольстительная улыбка. Потом коротышка поднялся и отвесил Майклу поклон.

– Прошу прощения, – сказал он с преувеличенным чистосердечием. – Я был учителем Тури в школе, и его родители оказали мне честь, избрав меня его крестным отцом. Теперь я профессор истории и литературы в Университете Палермо. Однако лучшую рекомендацию мне дадут сидящие за этим столом. Я являюсь – и всегда являлся – членом отряда Гильяно.

Стефан Андолини тихо добавил:

– Я тоже член отряда. Ты знаешь мое имя, и я твой двоюродный брат. Но еще меня зовут *Фра Дьяволо*.

Это тоже было легендарное имя на Сицилии, и Майкл слышал его множество раз. Неудивительно, что у Андолини лицо убийцы, подумал он. Еще один беглец, за голову которого назначена награда. Однако не далее как сегодня днем он сидел за одним столом с инспектором Веларди...

Все они ждали, что ответит Майкл. Он не собирался раскрывать им окончательный план, но понимал, что должен что-то сказать. Мать Гильяно вопросительно глядела на него. Майкл заговорил, обращаясь к ней:

– Все очень просто. Для начала должен предупредить вас, что не могу ждать больше семи дней. Я слишком долго не был дома, и отец нуждается в моей помощи. Естественно, вы понимаете, как мне не терпится увидеться с семьей. Однако отец приказал мне помочь вашему сыну. Последние инструкции, которые он передал мне с курьером, звучали так: повидаться с доном Кроче, а потом ехать в Трапани. Там я остановлюсь на вилле у местного дона. Меня будут ждать люди из Америки, которым я полностью доверяю. Опытные люди.

Он сделал паузу. Выражение «опытные люди» имело на Сицилии особое значение – так обычно называли высокопоставленных палачей-мафиози.

– Как только Тури придет ко мне, он будет в безопасности, – продолжал Майкл. – Вилла – настоящая крепость. А через пару часов мы уже сядем в быстроходный катер и отплывем в Африку. Оттуда, на специальном самолете, перелетим в Америку, где он окажется под покровительством моего отца, и вам больше не придется бояться за него.

– Когда вы сможете принять Тури Гильяно? – спросил Гектор Адонис.

– Я буду в Трапани к утру. Дайте мне с этого момента двадцать четыре часа.

Внезапно мать Гильяно разрыдалась:

– Мой бедный Тури больше никому не доверяет... Не поедет он в Трапани!

– Тогда я не смогу ему помочь, – ответил Майкл холодно.

Мать Гильяно в отчаянии будто сложилась пополам. И тут Пишотта неожиданно взялся утешать ее: поцеловал и крепко обнял.

– Мария Ломбардо, не волнуйся, – сказал он. – Меня Тури слушает. Я скажу ему, что все мы верим этому парню из Америки, так ведь?

Он обвел вопрошающим взглядом остальных мужчин; те в ответ закивали.

– Я самолично доставлю Тури в Трапани.

Все вроде бы были довольны. Майкл понял, что именно холодный ответ убедил их поверить ему. Сицилийцы опасались излишней теплоты и щедрости. Его же раздражала их разборчивость и нарушение отцовских планов. Дон Кроче теперь враг, Гильяно может приехать не сразу, а то и не приехать вообще... В конце концов, кто ему этот Тури Гильяно? И, если на то пошло, кто Тури Гильяно его отцу?

Вместе они перешли в небольшую гостиную, где мать уже подавала кофе и анисовую настойку; она извинилась, что ничего сладкого нет. Настойка согреет Майкла во время ночной поездки в Трапани, сказали ему. Гектор Адонис вытащил золотой портсигар из кармана своего ладно скроенного пиджака и пустил его по кругу, потом сунул сигарету себе в изящно очерченный рот и даже настолько забылся, что откинулся на спинку кресла, так что его ноги оторвались от пола. В это мгновение он выглядел как марионетка, подвешенная на ниточках.

Мария Ломбардо указала на гигантский портрет на стене.

– Разве он не красавец? – воскликнула она. – И столь же добр, как хорош собой... Мое сердце было разбито, когда его объявили вне закона. Помните тот страшный день, синьор Адонис? И всю эту ложь, которую они наплели насчет Портелла-делла-Джинестра? Мой сын никогда так не поступил бы.

Остальные мужчины смутились. Майкл во второй раз за день спросил себя, что же случилось в Портелла-делла-Джинестра, но вслух задавать вопрос не стал.

– Когда я был учителем Тури, – сказал Гектор Адонис, – он обожал читать. Наизусть знал легенды про Карла Великого и Роланда, а теперь он сам – легенда. Когда его сделали преступником, мое сердце тоже было разбито.

Мать Гильяно с горечью произнесла:

– Ему повезет, если он останется в живых. Ох, и зачем только мы хотели, чтобы наш сын родился здесь? Конечно, мы мечтали, что он будет настоящим сицилийцем... – Она язвительно усмехнулась: – Он и стал. Его жизнь в опасности, и за его голову назначена награда. – Она замолчала, а потом добавила с искренней убежденностью: – Мой сын – святой.

Майкл заметил, как Пишотта хмыкнул с видом человека, вынужденного выслушивать сентиментальные рассказы любящих родителей о достоинствах их детей. Даже отец Гильяно сделал нетерпеливый жест. Стефан Андонили кривовато улыбнулся, и Пишотта сказал по-доброму, но трезво:

– Мария Ломбардо, дорогая моя, ваш сын отнюдь не так беспомощен. Он не дает себя в обиду, и враги до сих пор боятся его.

Мать Гильяно сказала, уже спокойнее:

– Я знаю, что он убивал – много раз, – но никогда мой сын не творил несправедливостей. И всегда давал им очистить душу и вознести Господу последнюю молитву.

Внезапно женщина схватила Майкла за руку и вывела через кухню на балкон.

– Никто из них по-настоящему не знает моего сына, – шепнула она ему. – Им не понять, насколько он ласков, насколько добр. Может, с мужчинами он другой, но мне известно его истинное лицо. Он всегда меня слушался, ни разу не нагрубил. Он – любящий, заботливый сын. Когда его только объявили вне закона, он смотрел вниз с гор, но не видел. А я смотрела вверх и тоже не видела. Но мы чувствовали присутствие друг друга и нашу любовь. Я чувствую его и сейчас. Как подумаю, что он один в горах и тысячи солдат охотятся за ним, мое сердце разрывается на части. Возможно, ты единственный, кому под силу его спасти. Обещай, что дождешься его.

Она продолжала крепко сжимать его руку в своих; слезы катились у нее по щекам.

Майкл поглядел вниз, в темноту ночи, где крошечный Монтелепре притаился во чреве огромных гор, и лишь центральная площадь еще была освещена. Небо унизывало звезды. На улицах внизу слышались бряцание оружия и хриплые возгласы патрульных *карабинери*. Казалось, город населен привидениями. Они двигались сквозь ласковый ночной воздух, пронизанный ароматом лимонных деревьев, приглушенным стрекотом насекомых и внезапным шумом проезжающего полицейского патруля.

– Я буду ждать, сколько смогу, – мягко ответил Майкл. – Но я нужен отцу дома. Сделайте так, чтобы ваш сын приехал ко мне.

Она кивнула и повела его обратно, к остальным. Пишотта мерил комнату шагами. Он выглядел встревоженным. Сказал:

– Мы решили дождаться рассвета, когда кончится комендантский час. В городе слишком много солдат, готовых спустить курок, в темноте что угодно может приключиться. Вы не возражаете? – обратился он к Майклу.

– Нет, – ответил тот. – Если это не слишком обременит наших хозяев.

Его немедленно заверили, что никаких проблем нет. Им приходилось ночевать тут много раз, когда Тури Гильяно проникал в город повидаться с родителями. К тому же им много о чем нужно поговорить, обсудить детали. Все стали располагаться удобнее, готовясь к долгой ночи впереди. Гектор Адонис снял пиджак и галстук, но сохранил элегантный вид. Мать заварила свежий кофе.

Майкл попросил рассказать ему все, что известно про Тури Гильяно. Ему казалось, так он лучше его поймет. Родители снова взялись превозносить своего замечательного сына. Стефан Андолини вспомнил день, когда Тури Гильяно спас ему жизнь. Пишотта поведал несколько

уморительных историй про дерзость Тури, его чувство юмора и мягкосердечие. С предателями и врагами он безжалостен, но даже их никогда не подвергает пыткам и унижениям. А потом рассказал про трагедию в Портелла-делла-Джинестра.

– В тот день он плакал, – говорил Пишотта. – Перед всем отрядом.

– Не мог он убить тех людей в Джинестре, – заявила Мария Ломбардо.

Гектор Адонис успокоил ее:

– Мы все это знаем. Он родился с доброй душой... – Повернулся к Майклу: – Он любил книги. Я думал, станет поэтом или ученым. Он был задиристый, но не жестокий. Его гнев был праведным. Он ненавидел несправедливость. Его возмущало, как сурово *карабинери* обходятся с бедняками и как они снисходительны к богачам. Еще мальчишкой он приходил в ярость, слыша про фермера, который не может запастись кукурузу из своего урожая, пить собственное вино, есть свиней, которых сам забил. И все равно он был добрый мальчик.

Пишотта усмехнулся:

– Теперь он уже не такой добрый. И тебе, Гектор, не к лицу разыгрывать маленького безобидного школьного учителя. На лошади ты одного роста с нами всеми.

Гектор Адонис вперил в него суровый взгляд:

– Аспану, сейчас не время для твоих шуток.

– Эй, коротышка, – раздраженно бросил Пишотта, – ты, что ли, возомнил, что можешь меня напугать?

Майкл обратил внимание на прозвище Пишотты – Аспану – и на то, что между этими двумя определенно есть глубоко укоренившаяся неприязнь. Постоянные намеки Пишотты на рост Адониса, резкость, с которой профессор разговаривал с Пишоттой. Собственно, недоверие витало между всеми ними; Стефана Андолини тут держали на расстоянии вытянутой руки, мать Гильяно никому не доверяла полностью. Тем не менее к исходу ночи Майклу стало ясно, что все они любят Тури.

Майкл осторожно произнес:

– Тури Гильяно написал «Завещание». Где оно сейчас?

Повисла долгая пауза; все напряженно уставились на него. Внезапно и он лишился их доверия.

Наконец Гектор Адонис заговорил:

– Он начал писать его, следуя моему совету, и я ему помогал. Подпись Тури стоит на каждой странице. Все секретные договоренности с доном Кроче, с правительством в Риме и правда про Портелла-делла-Джинестра. Если его опубликовать, правительство точно падет. Это последняя карта, которую Гильяно разыграет, если нечего будет терять.

– Что же, надеюсь, оно в надежном месте, – заметил Майкл.

– О да, дону Кроче очень хотелось бы наложить на «Завещание» свою лапу, – ответил Пишотта.

– В свое время, – сказала мать Гильяно, – мы устроим так, чтобы «Завещание» доставили тебе. Возможно, отправим в Америку вместе с девушкой.

Майкл окинул их изумленным взглядом:

– Какая девушка?

Все отвели глаза, будто от неловкости или стыда. Они понимали, что сюрприз не из приятных, и опасались его реакции.

– Невеста моего сына, – сказала мать Гильяно. – Она беременна. – Повернулась к остальным: – Не растворится же она в воздухе! Возьмет он ее или нет? Пусть скажет прямо сейчас.

Хотя она и старалась не терять присутствия духа, реакция Майкла явно ее тревожила.

– Она приедет к тебе в Трапани. Тури хотел послать ее в Америку вперед себя. Когда она пришлет весточку, что с ней все в порядке, Тури придет к тебе.

Майкл осторожно ответил:

– На этот счет инструкций у меня нет. Я должен проконсультироваться с моими людьми в Трапани насчет времени. Знаю, что вы с мужем последуете в Америку за сыном. Не может девушка подождать и поехать с вами?

Пишотта отрезал сухо:

– Девушка – это проверка. Она пришлет кодовое слово, и Гильяно будет знать, что человек, с которым он имеет дело, не только честный, но и толковый. Только тогда и поверит, что вы можете безопасно вывезти его с Сицилии.

– Аспану, – гневно воскликнул отец Гильяно, – я уже говорил и тебе, и моему сыну: дон Корлеоне дал слово, что поможет нам.

Пишотта ответил уже мягче:

– Сам Тури распорядился так.

Майкл спешно размышлял. Наконец он сказал:

– Думаю, это вполне разумно. Мы проверим маршрут отхода и убедимся, что он безопасен.

Он не собирался использовать тот же путь для Гильяно. Его матери сказал:

– Я могу отправить вас с мужем вместе с девушкой.

Но на его вопросительный взгляд родители Гильяно лишь помотали головами.

Гектор Адонис мягко обратился к ним:

– А ведь это неплохая идея.

– Мы не уедем с Сицилии, пока наш сын здесь, – заявила мать Гильяно.

Отец Гильяно скрестил руки на груди и кивнул. Майкл понял, о чем они думают. Если Тури Гильяно суждено погибнуть на Сицилии, они не хотят быть в Америке. Они должны остаться, чтобы оплакать его, похоронить, принести цветы на могилу. Финал трагедии принадлежит им. Девушка может ехать – ее с Тури связывает любовь, но не кровные узы.

Среди ночи Мария Ломбардо Гильяно показала Майклу альбом с вырезками из газет, объявлениями, где правительство в Риме обещало награду за голову Гильяно. Там же был очерк, опубликованный в Америке, в журнале «Лайф», в 1948 году. В очерке Тури называли величайшим разбойником современности, итальянским Робин Гудом, который грабит богатых, чтобы помогать бедным. Было там и одно из знаменитых писем, которые Гильяно рассылал в газеты:

«Пять лет я боролся за свободу Сицилии. Я отдавал бедным то, что отбирал у богатых. Пусть народ Сицилии сам решит, кто я – преступник или борец за свободу. Если они выскажутся против меня, я сам отдамся в руки властям. Но пока они со мной, я буду продолжать тотальную войну».

Звучало это, по мнению Майкла, как обращение беглого бандита, но лицо Марии Ломбардо светилось гордостью за сына. Он чувствовал с ней родство – она была очень похожа на его мать. Горе исказило ее черты, но глаза по-прежнему горели решимостью и стремлением продолжать борьбу.

На рассвете Майкл поднялся и начал прощаться. Он удивился, когда мать Гильяно от всей души его обняла.

– Ты напомнил мне моего сына, – сказала она. – Я верю тебе.

Подошла к камину и сняла с полки деревянную статуэтку Девы Марии. Та была черная, с лицом негритянки.

– Возьми на память. Это единственная ценность, которая у меня осталась.

Майкл попытался отказаться, но она стояла на своем.

– Их всего несколько штук на всей Сицилии, – сказал Гектор Адонис. – Удивительно, но мы ведь совсем близко к Африке.

Мать Гильяно добавила:

– Не важно, как она выглядит, молиться ты можешь все равно.

– Ну да, – заметил Пишотта. – Толку от нее не больше, чем от остальных.
В его голосе слышалось недовольство.

Майкл смотрел, как Пишотта прощается с матерью Гильяно. Между ними чувствовалась искренняя привязанность. Пишотта расцеловал ее в обе щеки и ободряюще похлопал по плечу. Она же на миг склонила голову ему на грудь и сказала:

– Аспану, Аспану, я люблю тебя как сына. Не дай им убить Тури. – Она плакала.

Пишотта отбросил былую холодность, весь словно осел; темное костлявое лицо его смягчилось.

– Вы еще будете стареть в Америке, – сказал он и молча, стремительно прошел к дверям.

У Пишотты был собственный пропуск с красной каймой, и он мог скрыться в горах. Гектор Адонис собирался остаться с Гильяно, хотя в городке у него имелся дом.

Майкл и Стефан Андолини уселись в «Фиат» и через центральную площадь выехали на дорогу, ведущую к Кастельветрано и прибрежному городу Трапани. Из-за неуверенного неторопливого вождения Андолини и бесконечных военных застав до Трапани они добрались лишь к полудню.

Книга II

Тури Гильяно

1943

Глава 2

В сентябре 1943 года Гектор Адонис служил профессором истории и литературы в Университете Палермо. Из-за малого роста коллеги относились к нему с меньшим уважением, чем заслуживали его таланты. Неудивительно – с учетом того, что в сицилийской культуре даже прозвища людям давали, основываясь на их физических недостатках, пусть это и жестоко. Единственным, кто ценил его по-настоящему, был ректор университета.

В этом сентябре жизни Гектора Адониса суждено было измениться. Война – для Южной Италии – закончилась. Американская армия отвоевала Сицилию и переместилась на континент. Фашизм умер, Италия возродилась; впервые за четырнадцать столетий на острове Сицилия не было единого правителя. Но Гектор Адонис, сознающий иронию истории, не питал особых иллюзий. Мафия уже начала подминать законное правление под себя. Она была словно смертельная раковая опухоль – как любая крупная корпорация. Через окна кабинета профессор разглядывал территорию университета – те несколько зданий, что с натяжкой можно было назвать кампусом.

Тут не строили общежитий, потому что в университете не было привычной студенческой жизни, как в Англии или Америке. Студенты учились по домам и приходили к профессорам на консультации в договоренные сроки. Те читали лекции, которые студенты могли безнаказанно пропускать. Им надо было являться только на экзамены. Гектор Адонис считал такую систему порочной в целом и дурацкой в частности, по отношению к сицилийцам, которые, по его убеждению, нуждались в педагогической дисциплине гораздо сильнее, чем студенты в других странах.

В окно, похожее на окна в соборах, он наблюдал ежегодное паломничество мафиози со всех провинций Сицилии – те съехались походатайствовать перед профессорами за своих протеже. При фашистском правлении мафиози вели себя осторожнее, стараясь держаться в тени, но теперь, при попустительстве восстановленной американцами демократии, они поднимали головы, словно дождевые черви, вылезающие из влажной земли, и возрождали старые порядки. Нужды осторожничать больше не было.

Мафиози, «Друзья друзей», предводители мелких деревенских кланов со всей Сицилии, одетые по-праздничному, являлись, чтобы просить за студентов – сыновей богатых землевладельцев, своих друзей, которые провалили экзамены и могли остаться без диплома, если не будут предприняты решительные действия. Диплом имел огромное значение: как иначе семьям избавляться от сыновей, лишенных амбиций, бестолковых и бесталанных? Их же придется кормить потом всю жизнь! Зато с дипломом – пергаментной грамотой, выданной университетом, – эти бездари могли стать учителями, докторами, членами Парламента или, если совсем уж не повезет, мелкими государственными чиновниками.

Гектор Адонис пожал плечами: он утешался историей. Его обожаемые британцы на пике величия своей империи доверяли целые армии таким же необразованным сынкам богачей, которым родители купили военный пост или командование боевым кораблем. Тем не менее империя процветала. Да, эти полководцы могли запросто обречь своих людей на бессмысленную бойню, однако гибли и сами, ведь храбрость считалась одним из императивов их класса. Смерть, по крайней мере, решала проблему с некомпетентными и бесполезными вояками,

которые не висели больше на шее у государства. Итальянцы не были ни столь рыцарственны, ни столь практичны. Они любили своих детей, приходили к ним на помощь в сложных ситуациях, а государству предоставляли самому заботиться о себе.

Из своего окна Гектор Адонис заметил по меньшей мере трех мафиози, бродящих по округе в поисках намеченных жертв. Они были в матерчатых кепках и кожаных ботинках, а вельветовые пиджаки несли переброшенными через руку, поскольку на улице было еще тепло. Все тащили корзины фруктов или бутылки с домашним вином в бамбуковой оплетке – подарки профессорам. Ни в коем случае не взятки, а лишь знак вежливости, лекарство от испуга, поднимавшегося у преподавателей в груди, стоило им завидеть незваных гостей. Большинство профессоров были уроженцами Сицилии и понимали, что отказать в просьбе никак не получится.

Один из мафиози, одетый так картинно, что вполне мог бы выйти на сцену в «Сельской чести»³, уже вошел в здание и поднимался по ступеням. Гектор Адонис, сардонически ухмыльнувшись, приготовился разыгрывать привычную комедию.

Этого человека он знал. Его звали Буччилла; тот владел фермой и разводил овец в городке под названием Партинико, близ Монтелепре. Они пожали друг другу руки, и Буччилла протянул профессору корзинку, которую принес с собой.

– Столько фруктов у меня падает на землю и портится, – сказал он, – что я решил: отнесу профессору немного.

Буччилла был низкорослый, но крепкий, закаленный годами тяжелой работы. Адонис знал, что он считается человеком честным и достаточно скромным – хотя давно мог бы разбогатеть, пользуясь своим влиянием. Он был из тех прежних мафиози, которые ценили не богатство, а уважение и почет.

Буччилла вздохнул. Держался он приветливо, но Адонис чувствовал, что эта приветливость в мгновение ока может обернуться угрозой. Поэтому дружелюбно улыбнулся Буччилле, а тот сказал:

– Эта жизнь – такая доука! У меня куча работы на ферме, но, если сосед просит об услуге, как ему откажешь? Мой отец знал его отца, а дед – его деда. Да и вообще, у меня такой характер – наверное, к несчастью, – что другу я никак не могу отказать. В конце концов, все мы христиане, не так ли?

Гектор Адонис кивнул:

– Мы, сицилийцы, все такие. Щедрые душой. Вот поэтому северяне в Риме так бесстыдно нами помыкают.

Буччилла взглянул на него с хитрецей. Похоже, тут проблем не будет. Кажется, кто-то говорил, что профессор сам из «Друзей». Он явно несколько не напуган. Но если он из «Друзей», то почему ему, Буччилле, неизвестен этот факт? Правда, в «Друзьях» своя иерархия, много разных уровней... В любом случае этот человек понимает, в каком мире он живет.

– Хотел вас просить об одолжении, – сказал Буччилла. – Как сицилиец сицилийца. Сын моего друга провалил экзамены в этом году. Сдавал, кстати, вам. Вот мой сосед и пришел ко мне. Когда я услышал ваше имя, сразу сказал: «Что? Синьор Адонис? Да у него самое доброе сердце в мире. Он никогда не допустил бы такого, знай он все факты. Никогда». Вот они и уговорили меня, чуть ли не со слезами, рассказать вам всю историю. И попросить, с нижайшим почтением, поправить ему оценку, чтобы он мог зарабатывать себе на хлеб.

Гектора Адониса его преувеличенная любезность несколько не обманула. Как англичане, которых он обожал, эти люди могли оскорбить тебя так тонко, что ты лишь через несколько дней понимал, какое снес смертельное унижение. Для англичанина, правда, то была лишь

³ «Сельская честь» – одноактная опера П. Масканы, созданная в 1890 г. по новелле Дж. Верги.

фигура речи, в то время как отказ синьору Буччилле неизбежно повлек бы за собой выстрел из *лупары*⁴ как-нибудь ночью. Гектор Адонис вежливо отведал оливок и ягод из корзины.

– Не можем же мы обречь юношу на голодную смерть в этом жестоком мире, – сказал он. – Как его имя?

Буччилла ответил, и он вытащил из нижнего ящика бюро экзаменационный журнал. Пролистал, хотя прекрасно знал, о ком идет речь.

Парень этот был мужлан, олух, деревенщина – тупее любой овцы на ферме у Буччиллы. Лентяй, распутник, хвастун, беспросветный дурень, не способный отличить «Илиаду» от романов Верги. Тем не менее Гектор Адонис добродушно улыбнулся Буччилле и, изображая удивление, воскликнул:

– Ах да, у него просто были кое-какие недочеты на одном из экзаменов. Но это легко исправить. Пусть зайдет ко мне, я немного с ним позанимаюсь, и мы устроим переэкзаменовку. Во второй раз он точно сдаст.

Они обменялись рукопожатием, и мужчина ушел. Завел себе нового друга, подумал Гектор. Какая разница, если все эти молодые бездари получают университетский диплом, которого не заслужили? В Италии в 1943 году им можно разве что подтереть свою избалованную задницу, перед тем как занять какой-нибудь мелкий пост.

Течение его мыслей прервал телефонный звонок, вызвавший у профессора еще большее раздражение. Звякнуло сначала коротко, потом, после паузы, еще трижды – подольше. Похоже, телефонистка с кем-то болтала, одновременно нажимая на рычажок. Это так его рассердило, что обычное «слушаю» он выкрикнул в трубку грубее обычного.

К несчастью, звонок оказался от ректора университета. Однако тот, хоть и славился приверженностью профессиональной этике, явно был озабочен более насущными вещами, чем грубость. Голос его трясся от страха, в нем слышались умоляющие, чуть ли не слезные нотки.

– Дражайший профессор Адонис, – сказал он, – могу я просить вас зайти ко мне? У университета возникла серьезная проблема, решить которую под силу только вам. Проблема первостепенной важности. Поверьте, дорогой профессор, я буду безгранично вам признателен!

От такого подобострастия Гектору Адонису стало не по себе. Что этот идиот от него хочет? Перепрыгнуть через собор в Палермо? Ректор годится для этого куда лучше, язвительно подумал Адонис, в нем почти два метра роста. Пускай и скачет сам, а не требует от подчиненного с самыми короткими ногами на Сицилии делать за него его работу. Представив себе эту картину, он снова пришел в благостное расположение духа. И осторожно спросил:

– Может, хотя бы намекнете? Тогда по пути я смогу подготовиться.

Ректор понизил голос до шепота:

– Глубокоуважаемый дон Кроче почтил нас своим присутствием. Его племянник учится на медицинском факультете, а профессор попросил того по собственному желанию бросить учебу. Дон Кроче приехал любезно нас просить пересмотреть это решение. Однако профессор медицинского факультета настаивает, чтобы юноша прервал обучение.

– И кто этот придурок? – спросил Гектор Адонис.

– Молодой доктор Натторе, – ответил ректор. – Уважаемый преподаватель факультета, но немного не от мира сего.

– Буду у вас через пять минут.

Торопливо шагая по двору к главному зданию, Гектор Адонис прикидывал, как повести разговор. Трудность явно не в ректоре; он всегда призывает Адониса в подобных случаях. Проблема с доктором Натторе. Он хорошо его знал. Блестящий медик, преподаватель, смерть которого определенно станет большой потерей для Сицилии, а отставка – потерей для университета. А еще на редкость напыщенный зануда, человек несокрушимых принципов и подлин-

⁴ Лупара – обрез охотничьего ружья, популярное оружие среди сицилийских мафиози.

ной чести. Но даже он не мог не слышать про дона Кроче, даже в его гениальном мозгу должна была присутствовать крупинка здравого смысла. Нет, тут что-то еще...

Перед главным зданием стоял длинный черный автомобиль, а к нему прислонились двое мужчин в деловых костюмах, нисколько не придававших им респектабельности. Наверняка это охранники дона Кроче – их оставили с шофером в знак уважения к ученым, которых решил навестить дон Кроче. От Адониса не укрылось, как они сначала с изумлением, а потом с насмешкой оценили его малый рост, ладную одежду, портфель, зажатый под мышкой. Он наградил их ледяным взглядом, заставив смутиться. Может ли такой коротышка быть другом «Друзей»?

Кабинет ректора больше походил на библиотеку, чем на деловой офис, – его хозяин был больше ученым, нежели администратором. По всем стенам высились книжные стеллажи; мебель была громоздкой, но комфортабельной. Дон Кроче сидел в гигантском кресле, попивая эспрессо. Лицо его напомнило Гектору Адонису нос корабля из «Илиады», испещренный следами былых сражений и враждебных морей. Дон сделал вид, что они незнакомы, и Адонис подождал, пока его представят. Естественно, ректор понимал, что все это фарс, но доктор Натторе им поверил.

Ректор был в университете самым высоким, Гектор Адонис – самым низким. Из вежливости ректор немедленно сел и постарался сползти как можно ниже на своем стуле, прежде чем заговорить.

– У нас тут небольшое расхождение, – сказал он. При этих словах доктор Натторе яростно фыркнул, а дон Кроче легонько кивнул в знак согласия. Ректор продолжал: – Племянник дона Кроче очень хочет стать врачом. А профессор Натторе утверждает, что ему недостает баллов, чтобы получить диплом. Просто трагедия. Дон Кроче был так любезен, что лично приехал похлопотать за племянника, а поскольку он столь много делает для нашего университета, я решил, что мы должны приложить все усилия для решения данного вопроса.

Дон Кроче сказал сердечно, без всякого сарказма:

– Сам я безграмотный, но никто не скажет, что в деловом мире я не добился успеха.

Безусловно, подумал Гектор Адонис, человеку, который подкупает министров, заказывает убийства, наводит ужас на лавочников и фабрикантов, вовсе не обязательно уметь читать и писать.

– Я сам проложил себе путь, – продолжал дон Кроче. – Почему мой племянник не может сделать так же? Сердце моей бедняжки-сестры будет разбито, если у ее сына перед именем не появится приставки «доктор». Она верит в Христа, хочет помогать всему миру...

Доктор Натторе со стойкостью праведника отрезал:

– Я свое мнение не изменю.

Дон Кроче вздохнул. Сказал полушутливо:

– Кому мой племянник причинит вред? Я устрою его на государственную должность, в армию или в католический приют для престарелых. Там только и надо, что держать их за руки да выслушивать причитания. Он такой милый – старичье будет от него в восторге. Разве я много прошу? Просто чтобы вы немного пошуршали в своих бумагах. – Он недоверчивым взглядом окинул книжные стеллажи.

Гектор Адонис, крайне обеспокоенный кротостью дона – опасный сигнал у такого человека, – подумал с раздражением, что дону легко говорить: при малейшем несварении его сразу же везут в Швейцарию. Но Адонис понимал, что только ему под силу найти выход из тупика.

– Дорогой доктор Натторе, – начал он, – безусловно, мы можем как-то помочь. Немного дополнительных занятий, практика в благотворительном госпитале – что скажете?

Доктор Натторе, хоть и родился в Палермо, нисколько не походил на сицилийца. Он был светловолосый, лысеющий и не собирался скрывать свой гнев, чего истинный сицилиец

никогда не допустил бы в столь деликатной ситуации. Несомненно, в нем говорили порочные гены, унаследованные от какого-нибудь далекого предка, норманнского завоевателя.

– Вы не понимаете, дражайший профессор Адонис. Этот недоросль хочет стать хирургом.

«Иисус, Иосиф, Пресвятая наша Дева Мария и все святые, – подумал Гектор Адонис. – Ну и дела!»

Воспользовавшись потрясенным молчанием коллеги, доктор Натторе продолжил:

– Ваш племянник понятия не имеет об анатомии. Труп он препарирует так, будто режет барана на жаркое. Пропускает большинство лекций, не сдает проверочные работы, а в операционную заходит как на танцы. Согласен: он обаятельный юноша, лучшего приятеля себе и не пожелаешь. Но, в конце концов, мы говорим о хирурге, которому предстоит стоять со скальпелем над живым человеком.

Гектор Адонис прекрасно знал, что думает дон Кроче. Какая разница, насколько плохой хирург выйдет из этого парня? Тут вопрос семейного престижа, утраты уважения, в случае если мальчишка провалится. Каким бы плохим хирургом он ни был, ему никогда не убить столько людей, сколько уже есть на счету у дон Кроче с приспешниками. Мало того, молодой доктор Натторе не уловил намек, что дон Кроче готов спустить дело с хирургией на тормозах – пускай племянник станет хотя бы просто доктором.

Пришел момент вмешаться Гектору Адонису.

– Дорогой мой дон Кроче, – заговорил он, – я совершенно уверен, что доктор Натторе пойдет вам навстречу, если мы продолжим настаивать. Но откуда эта романтическая идея сделать из племянника хирурга? Как вы сами говорите, человек он добродушный, а хирурги – прирожденные садисты. Да и кто на Сицилии по своей воле ложится под нож?.. – Пауза. – К тому же, если мы пропустим его здесь, ему придется доучиваться в Риме, а там сицилийцев вечно заваливают – под любым предлогом. Вы оказываете своему племяннику медвежью услугу. Позвольте предложить вам компромисс.

Доктор Натторе пробормотал, что компромисс невозможен. В змеиных глазах дон Кроче впервые сверкнул огонь. Доктор Натторе затих, и Гектор Адонис поспешил вступить снова:

– Ваш племянник получит достаточное количество баллов, чтобы стать врачом, а не хирургом. Признаем – у него слишком мягкое сердце, чтобы резать людей.

Дон Кроче развел руками; губы его растянулись в холодной улыбке.

– Ваш здравый смысл и благоразумие меня убедили, – ответил он Адонису. – Да будет так. Мой племянник станет врачом, а не хирургом. Сестра останется довольна.

Он тут же поднялся и вышел; цель его была достигнута, и на большее рассчитывать не приходилось. Ректор сопровождал его до машины. Однако все в кабинете заметили, каким взглядом дон Кроче окинул доктора Натторе, прежде чем удалиться. Он словно изучал его, запоминал каждую черточку, чтобы точно не забыть лицо человека, осмелившегося ему перечить.

Когда они ушли, Гектор Адонис обернулся к доктору Натторе и сказал:

– Вам, дорогой коллега, придется уволиться из университета и ехать практиковать в Рим.

– Вы с ума сошли? – гневно воскликнул тот.

– Нет, в отличие от вас. Приглашаю вас отужинать со мной сегодня; я объясню вам, почему наша Сицилия – отнюдь не райский сад.

– Но с какой стати мне уезжать? – протестовал преподаватель.

– Вы сказали «нет» дону Кроче Мало. Сицилия недостаточно велика для вас двоих.

– Но он же добился своего! – возопил доктор Натторе в отчаянии. – Его племянник станет доктором. Вы с ректором одобрили это решение.

– А вы – нет. Мы одобрили его, чтобы спасти вам жизнь. Но все равно вы теперь меченый.

В тот вечер Гектор Адонис пригласил шестерых профессоров, включая доктора Натторе, в один из лучших ресторанов Палермо. У каждого из них днем побывал «человек чести», каж-

дый согласился изменить оценки незадачливому студенту. Доктор Натторе в ужасе выслушал их рассказы, а потом сказал:

– Но на медицинском факультете это недопустимо, только не с врачами!

И тут они лишились последнего терпения. Профессор философии спросил, с какой это стати Натторе ставит медицину выше сложных мыслительных процессов и священного бессмертия души. К концу ужина тот согласился уволиться из Университета Палермо и эмигрировать в Бразилию, где, как уверили его коллеги, хороший хирург может сколотить себе состояние на операциях желчного пузыря.

В ту ночь Гектор Адонис спал сном праведника. Но на следующее утро ему поступил срочный звонок из Монтелепре. Его крестник Тури Гильяно, ум которого он пестовал, чьим великодушием восхищался, чье будущее уже распланировал, убил полицейского.

Глава 3

Монтелепре, городок с семью тысячами населения, притаившийся в долине гор Камматата, давно погряз в бедности.

В тот день, 2 сентября 1943 года, его жители готовились к Фесте – празднику, который должен был начаться завтра и продолжаться еще три дня.

Феста была главным событием года в каждом городе, более значительным, чем Пасха, или Рождество, или Новый год, чем даты окончания великих войн или дни рождения национальных героев. Феста посвящалась святому, покровителю этих мест. То была одна из немногих традиций, на которую фашистское правительство Муссолини не рискнуло посягнуть и которое не пыталось запретить.

Для организации Фесты ежегодно выбирался Совет трех, в который входили самые уважаемые в городе люди. Эта тройка назначала себе помощников для сбора денег и приношений. Каждая семья делала посильный вклад. Помощники же обращались за пожертвованиями на улицах.

По мере приближения великого дня Совет трех начинал тратить средства, скопленные за прошедший год. Они нанимали оркестр, нанимали клоуна. Назначали щедрые денежные призы на скачках, продолжавшихся все три дня. Приглашали специальных людей для украшения церкви и улиц, так что нищий городок Монтелепре внезапно превращался в средневековый замок посреди Поля Золотой Парчи. Приезжал кукольный театр. Устанавливались киоски для торговли едой.

Семьи в Монтелепре использовали Фесту, чтобы вывести в свет дочек на выданье: им покупали новую одежду и назначали *шапероне* – сопровождающих из числа пожилых женщин. Для проституток, приехавших из Палермо, за границами городка устанавливали гигантский шатер; на его парусиновых торцах в красно-бело-зеленую полосу красовались их лицензии и медицинские сертификаты. Знаменитый местный страсотерпец, у которого некогда появились стигматы, должен был выступить с проповедью. И наконец, на третий день, по улицам проходила процессия с носилками святого, за которыми следовали все жители города со своими мулами, лошадьми, свиньями и осликами. На носилках, под статуей, висела груда монет, цветов, конфет в ярких обертках и бутылок вина в бамбуковой оплетке.

Эти дни были днями подлинной славы. И не важно, что в остальное время город голодал, а на той же площади, где чествовали святого, жители продавали свой труд земельным баронам за сотню лир в день.

В первый день Фесты в Монтелепре Тури Гильяно должен был принимать участие в ритуальной церемонии – спаривании Чудесной мулицы Монтелепре с самым крупным и сильным ослом. Самка мула редко оказывается способна зачать; их считают бесплодными – гибридом кобылы и осла. Однако в Монтелепре случилось чудо: два года назад мулица родила ослика, и его хозяин согласился – как дань от всего семейства на Фесту – предоставить услуги мулицы и, если чудо произойдет опять, ее потомство на Фесту в следующем году. Безусловно, в церемонии присутствовала некоторая сардоническая насмешка.

Однако ритуальное спаривание было насмешкой лишь отчасти. Сицилийский крестьянин искренне любит своих мулов и ослов. Они – такие же трудяги, как он сам, с тем же суровым и мрачным нравом. Как и крестьянин, они трудятся по многу часов не уставая, в отличие от чистокровных лошадей, которых приходится баловать. Они твердо стоят на ногах и способны взбираться на горные террасы, не падая и не ломая костей, – не то что горячие жеребцы или капризные породистые кобылки. И крестьянин, и его осел питаются тем, что убийло бы других людей и животных. А главное, с крестьянином, ослом и мулом надо обращаться уважительно, чтобы не пробудить в них упрямство и непокорность.

Католические религиозные праздники выросли из древних языческих ритуалов, на которых у богов просили чудес. В тот судьбоносный день, в сентябре 1943-го, на Фесте в городке Монтелепре действительно случилось чудо, изменившее судьбы семи тысяч его обитателей.

За свои двадцать лет Тури Гильяно заслужил репутацию самого храброго, самого достойного и самого сильного юноши, внушавшего всем уважение. Он был человеком чести. Иными словами, тем, кто воздаст другим по справедливости и кого нельзя обидеть безнаказанно.

В последнюю страду Тури отказался наняться на сбор урожая за нищенскую плату, которую предлагал надсмотрщик поместья. И выступил с речью перед остальными, призывая не выходить на работу – пускай урожай сгниет. *Карабинери* арестовали его по обвинению, предъявленному бароном. Другие мужчины вышли в поле. Гильяно не выказал никакой злости по отношению к ним или к *карабинери*. Когда его освободили из тюрьмы благодаря вмешательству Гектора Адониса, он ни разу их не упрекнул. Он постоял за свои принципы, и этого ему было достаточно.

В другой раз Тури прекратил поножовщину, учиненную Аспану Пишоттой и еще одним парнем: просто встал, невооруженный, между ними и разумными аргументами убедил разойтись.

Со стороны кого угодно это было бы воспринято как трусость под маской человеколюбия, но что-то в Гильяно не позволяло думать так.

В тот день, второго сентября, Сальваторе Гильяно, которого друзья и родные звали Тури, размышлял над событием, нанесшим серьезный удар его мужской гордости.

Дело было пустяковое. В Монтелепре не было ни кинотеатра, ни зала для собраний, а только маленькое кафе с бильярдным столом. Прошлым вечером Тури Гильяно, его двоюродный брат Гаспар «Аспану» Пишотта и еще несколько юношей играли там на бильярде. Несколько взрослых мужчин, тоже жителей городка, посиживали за стаканом вина, наблюдая за ними. Один из них, по имени Гвидо Кинтана, слегка перебрал. То был человек «с репутацией». При Муссолини он сидел в тюрьме по подозрению в связях с мафией. После завоевания острова американцами его выпустили как жертву фашизма; ходили даже слухи, что он станет мэром Монтелепре.

Как любой сицилиец, Тури Гильяно знал о легендарной власти мафии. За прошедшие несколько месяцев свободы она снова начала поднимать свою змеиную голову, пользуясь снисходительностью нового демократического правительства. В городе уже шептались, что лавочники платят «страховку» неким «уважаемым людям». И, конечно, Тури знал историю: бесчисленные убийства крестьян, пытавшихся вытребовать оплату с влиятельных аристократов и землевладельцев, когда мафия заправляла на острове до того, как Муссолини обезглавил ее, сам презрев законы, – словно одна змея, более ядовитая, впилась в другую, не такую крупную змею своими ядовитыми клыками.

Сейчас Кинтана глядел на Гильяно и его спутников высокомерным глазом. Возможно, его раздражало их хорошее настроение. В конце концов, он был серьезный человек, готовящийся к поворотному моменту в своей жизни: сосланный правительством Муссолини на пустынный остров, наконец вернулся в город, где родился. За несколько месяцев ему предстояло вернуть себе уважение горожан.

А может, его сердила привлекательность Гильяно, потому что Гвидо Кинтана был крайне уродлив. Внешность его отпугивала людей – и не из-за какой-то одной отталкивающей черты, а из-за давней привычки глядеть на мир с презрительной миной. Или, возможно, то было исконное противостояние прирожденного злодея с прирожденным героем.

В любом случае внезапно он встал, сильно толкнув Гильяно, который как раз проходил мимо, огибая бильярдный стол. Тури, привыкший вежливо обходиться с теми, кто старше его, принес искренние извинения. Гвидо Кинтана окинул его уничижительным взглядом.

– Почему ты не дома? Разве тебе не надо отсыпаться, чтобы завтра зарабатывать себе на хлеб? – спросил он. – Мы с друзьями уже час ждем, пока освободится бильярд.

Он протянул руку и выдернул у Гильяно кий, а потом с легкой улыбкой сделал ему знак отойти от стола.

Все глядели на них. Оскорбление не было смертельным. Будь этот мужчина помоложе, а оскорбление пожестче, Гильяно пришлось бы драться, чтобы отстоять свою честь. Аспану Пишотта всюду ходил с ножом; сейчас он встал так, чтобы помешать приятелям Кинтаны, если те попробуют вмешаться. Пишотта не питал уважения к старшим; он ожидал, что его друг и двоюродный брат решит спор дракой.

Однако Гильяно вдруг стало не по себе. Этот человек выглядел пугающе – он был готов к самым серьезным последствиям. Его спутники, тоже взрослые мужчины, улыбались, забавляясь, словно заранее не сомневались в исходе. Один из них был в охотничьей одежде и с ружьем. Сам Гильяно был безоружен. На короткий постыдный момент он испытал страх. Тури не боялся боли, не боялся, что его побьют или что он выйдет из схватки проигравшим. Его пугало то, что эти мужчины знали, что делают, что они держали ситуацию под контролем. А он – нет. Они запросто могли застрелить его где-нибудь на темной улочке Монтелепре по пути домой. На следующий день он будет лежать там – мертвый дурак. Врожденное тактическое чутье настоящего партизана заставило его отступить.

Тури Гильяно взял своего друга за руку и вывел его из кафе. Пишотта вышел, не сопротивляясь, удивленный тем, что его товарищ так легко сдался, но не заподозрив в нем трусости. Он знал, что Тури – добрый парень, и потому счел, что тому не захотелось ссориться со старшим из-за пустяка. Пока они шагали по виа Белла домой, за спиной у них раздавались щелчки бильярдных шаров.

Всю ночь Тури Гильяно не мог заснуть. Он что, действительно испугался того мужчины со злым лицом и мощным телом? Струсил, как девчонка? И теперь все над ним смеются? *Что* его лучший друг, его брат Аспану, думает о нем сейчас? Что он трус? Что он, Тури Гильяно, предводитель молодежи Монтелепре, самый уважаемый, самый достойный, самый сильный и самый бесстрашный, отступил при первом же признаке угрозы со стороны настоящего мужчины? С другой стороны, говорил он себе, зачем учинять вендетту, которая может привести к смерти, из-за такой мелочи, как партия в бильярд или грубое замечание кого-то из взрослых? Это не то же самое, что стычка с ровесником. Тури знал, что тут дело может быть серьезным. Знал, что эти мужчины – «Друзья друзей», и это тоже его страшило.

Гильяно плохо спал, а наутро проснулся в мрачном настроении, особенно опасном в юношеском возрасте. Сам себе он казался смешным. Он мечтал стать героем – как все мальчишки. Живи он в любой другой части Италии, давно записался бы в армию, но как настоящий сицилиец добровольцем он не пошел, а его крестный, Гектор Адонис, как-то договорился, чтобы его не призывали. В конце концов, хоть Италия и правила Сицилией, ни один настоящий сицилиец итальянцем себя не считал. К тому же, если говорить начистоту, итальянское правительство само не торопилось призывать сицилийцев, особенно в последний год войны. У сицилийцев были родственники в Америке, сицилийцы рождались преступниками и предателями, они были слишком глупы, чтобы обучить их современному военному делу, и везде, где они появлялись, начинались неприятности.

Выйдя на улицу, Тури Гильяно почувствовал, как мрачное настроение отступает под влиянием прекрасного солнечного дня. На город лился золотой свет, в воздухе витали ароматы олив и лимонных деревьев. Он любил свой Монтелепре – его горбатые улочки, каменные домики с балконами, где пестрели в горшках цветы, которые растут на Сицилии сами, без всякого ухода. Любил красные черепичные крыши, убежавшие к границе города, запрятанного на дне долины, которую жидким золотом заливало солнце.

Причудливые украшения, приготовленные к Фесте – разноцветные фигурки святых из папье-маше, парящие над улицами, громадные цветы со стеблями из бамбуковых палок, – маскировали привычную нищету провинциального сицилийского городка. Увешанные гирляндами домики Монтелепре, расположенного высоко в горах и стыдливо укрывающегося в складках каменных хребтов, были полны мужчин, женщин, детей и домашнего скота, ютившихся в трех-четырех комнатках. Во многих домах не было канализации, и даже тысячи цветов и холодный горный воздух не могли скрыть запах отбросов, поднимавшийся с рассветом.

В хорошую погоду люди стремились выходить из своих жилищ. Женщины выставляли деревянные стулья на каменные террасы и готовили обед, который накрывали там же. Мелюзга гоняла по улицам кур, индеек, козочек; дети постарше плели бамбуковые корзины. В конце виа Белла, там, где она примыкала к площади, стоял громадный фонтан с мордой демона – вода лилась у него меж гранитных зубов. На прилегающих склонах гор были разбиты террасные сады. На равнинах пониже виднелись городки Партинико и Кастелламаре; на горизонте угрожающе темнели кроваво-красные камни Корлеоне.

На дальнем конце виа Белла, в стороне Кастелламаре, Тури увидел Аспану Пишотту, который вел в поводу осла. На минуту он обеспокоился тем, как Аспану станет обращаться с ним после вчерашнего унижения. Друг его славился острым языком. Сделает он какое-нибудь пренебрежительное замечание? Гильяно снова ощутил приступ бесполезного гнева и поклялся, что теперь всегда будет настороже. Какие бы последствия ему ни грозили, он всем покажет, что не трус. Однако в глубине души сознавал, что поступил правильно. Дружки Кинтаны ждали, что произойдет дальше, один из них – с оружием. Они были «Друзьями друзей» и наверняка отомстили бы. Тури не боялся их – он боялся своего поражения, неизбежного не потому, что они сильнее, а потому, что они куда более жестоки.

Аспану Пишотта одарил его своей хитрой широкой улыбкой и сказал:

– Тури, в одиночку этот осел не справится. Придется нам помогать.

Ответа не требовалось; Тури с облегчением понял, что его друг забыл про вчерашний вечер. Его растрогало то, что Аспану, никогда не упускавший возможности поглумиться над кем-нибудь другим, к нему относился с неизменным уважением и теплотой. Вдвоем они пошли к городской площади, ведя осла за собой. Ребяшня вилась вокруг них, словно стайка проворных рыбок. Дети знали, что предстоит сделать осла, и испытывали радостное предвкушение. Для них это было развлечением – большое событие в скучном течении летних дней.

В центре площади стоял маленький деревянный помост высотой около метра; он состоял из каменных блоков, которые вырубili в горах поблизости. Тури Гильяно и Аспану Пишотта затолкали осла на помост по земляному скату. Потом веревкой привязали его голову к короткой вертикальной железной планке. Осел сразу же сел. Над глазами у него было белое пятно, отчего он походил на клоуна. Дети собрались вокруг помоста, хохоча и отпуская шутки. Один из мальчишек выкрикнул: «Ну и кто тут осел?» – и все рассмеялись еще пуще.

Тури Гильяно, еще не знавший, что это последний день его жизни в качестве никому не известного деревенского парня, глядел с помоста вниз с покровительственным видом человека, находящегося именно там, где ему положено быть. Он стоял на том маленьком пятачке земли, где родился и всегда жил. Внешний мир не мог причинить ему зла. Забылось даже вчерашнее унижение. Он знал окружавшие его известняковые горы лучше, чем ребенок – свою песочницу. Каменные глыбы прорастали там с такой же легкостью, как летняя трава, образовывали пещеры и укрытия, где можно было спрятать целую армию. Тури Гильяно знал каждый дом, каждую ферму, каждого крестьянина, каждый разрушенный замок, оставленный норманами или маврами, каждый скелет некогда прекрасных храмов, выстроенных греками.

С другой улицы на площадь вышел фермер, ведущий Чудесную мулицу. Именно он нанял их для утреннего представления. Звали его Папера, и он снискал себе уважение у жителей Монтелепре, одержав победу в вендетте против соседа. Они поспорили насчет смежного участка

земли, где росла оливковая роща. Спор продолжался десять лет – больше, чем все войны, в которые втянул Италию Муссолини. Потом в одну ночь, вскоре после того, как союзническая армия освободила Сицилию и установила демократическое правление, соседу нашли практически перерубленным пополам двумя выстрелами из *лунары* – спиленного дробовика, который на Сицилии частенько применяют в подобных случаях. Подозрение немедленно пало на Паперу, но он предусмотрительно обезопасил себя, устроив стычку с *карабинери*, после которой был арестован и провел ночь, когда свершилось убийство, в тюремной камере в казармах Беллампо. Ходили слухи, что это был первый знак возрождения мафии и что Папера – женатый на родственнице Гвидо Кинтаны – присоединился к «Друзьям друзей», чтобы те помогли ему победить в споре.

И вот Папера вел мулицу к помосту, а дети так и крутились у него под ногами, и он отгонял их добродушными ругательствами, помахивая хлыстом, который держал в руке. Дети легко уворачивались от хлыста, пролетавшего у них над головами; Папера снисходительно улыбался.

Учуяв внизу мулицу, осел с белой мордой натянул веревку, которой был привязан к помосту. Тури с Аспану приподняли его; дети разразились приветственными кликами. Папера тем временем развернул мулицу так, чтобы ее круп оказался у края помоста.

Тут Фризелла, цирюльник, вышел из своей парикмахерской, чтобы присоединиться к веселью. За ним стоял старшина, напыщенный и важный, потирая гладкое красное лицо. Он единственный в Монтепре приходил к цирюльнику бриться каждый день. Даже с помоста Гильяно учуял крепкий запах одеколона, которым его обрызгали только что.

Старшина Роккофино профессиональным взглядом окинул толпу, собравшуюся на площади. Как командующий местным отделением национальной полиции из двенадцати человек он отвечал в городе за порядок. Феста всегда грозила неприятностями, и он уже вызвал на площадь патруль, но те четверо еще не успели прийти. Роккофино внимательно присмотрелся к благодетелю города, Папере, с его Чудесной мулицей. Он был уверен, что Папера заказал убийство соседа. Эти сицилийские дикари злоупотребляли дарованными им священными свободами. Они еще пожалеют, что лишились Муссолини, мрачно размышлял старшина. По сравнению с «Друзьями друзей» диктатор был мягчайшим Франциском Ассизским.

Цирюльник Фризелла привык развлекать весь город. Мужчины, которым не удалось найти работу на день, собирались в парикмахерской послушать его шуточки и узнать последние сплетни. Он был из тех, кто обслуживает себя лучше, чем своих клиентов: с тщательно подстриженными усиками, напояженными волосами, расчесанными на прямой пробор, – и с лицом клоуна из кукольного театра. Нос картошкой, широкий рот, который распахивался, словно ворота, и нижняя челюсть без подбородка.

Он крикнул:

– Тури, тащи своих зверюг ко мне, я их как следует надушу! Твой осел будет считать, что занимается любовью с герцогиней.

Тури проигнорировал его. Однажды в детстве Фризелла подстриг ему волосы – да так плохо, что с тех пор эту обязанность взяла на себя мать. Однако отец Гильяно по-прежнему ходил к Фризелле поболтать и поделиться воспоминаниями об Америке с упоенно внимающими слушателями. Тури Гильяно не любил цирюльника еще и потому, что тот был оголтелым фашистом и считался информатором «Друзей друзей».

Старшина закурил сигарету и пошагал по виа Белла, не обратив внимания на Гильяно, – промашка, о которой ему предстояло сильно пожалеть.

Осел тем временем попытался спрыгнуть с помоста. Гильяно ослабил веревку, чтобы Пишотта смог подвести животное к краю, где стояла Чудесная мулица. Теперь ее круп располагался точно под ослом. Гильяно ослабил веревку еще немного. Мулица фыркнула и толкнулась крупом ровно в тот момент, когда осел на нее. Он стиснул круп мулицы передними ногами, несколько раз конвульсивно дернулся и завис в воздухе с комичным выражением на

белой морде. Папера с Пишоттой расхохотались; Гильяно изо всех сил потянул за веревку, и осел снова оказался рядом с железной перекладиной. Толпа кричала, болея за него. Дети уже разбежались по улицам в поисках других развлечений.

Отсмеявшись, Папера сказал:

– Жили бы мы все как этот осел – вот было бы здорово!

Пишотта не преминул ответить:

– Синьор Папера, так давайте я взвалю на вас корзины и погоняю хлыстом по горам часиков восемь в день. Ослы ведь так и живут.

Фермер скорчил гримасу. Упрек был очевиден: он платит работникам слишком мало. Пишотта никогда не нравился ему; вообще-то он нанял только Гильяно. Все в Монтелепре любили Тури. А вот с Пишоттой было по-другому. У него был слишком острый язык и дерзкие манеры. Лентай – и нечего оправдываться слабыми легкими! Что-то они ему не мешают курить сигареты, увиваться за девушками в Палермо и одеваться как денди. А еще эти его усики, как у француза! Скорей бы он уже докашлялся до смерти и попал прямиком в ад, подумал Папера. Он дал им двести лир, за что Гильяно его вежливо поблагодарил, и отправился с мулицей обратно к себе на ферму. Двое юношей отвязали осла и повели его к дому Гильяно. Работа для осла только начиналась, и предстоявшая задача была куда менее приятной.

Мать Гильяно накрыла для сына с другом ранний обед. Две сестры Тури, Марианнина и Джузеппина, помогали матери раскатывать пасту к ужину. На квадратной деревянной доске, отполированной до блеска, горкой высилась мука, в которую разбивали яйца и замешивали тесто. Дальше на нем ножом вырезали крест – чтобы освятить. Теперь Марианнина и Джузеппина отщипывали от теста полоски и оборачивали их вокруг стебля сизаля; когда травинку вынимали, оставалась тонкая трубочка. По всей кухне громоздились корзины с оливками и виноградом.

Отец Тури работал в поле – короткий день, чтобы успеть на Фесту к вечеру. На следующий день должна была состояться помолвка Марианнины, и в доме Джулиано устраивали большой праздник.

Тури всегда был любимчиком Марии Ломбардо Гильяно. Сестры помнили, как в детстве мать каждый день собственноручно его купала. Воду грели в жестяном тазике на плите; мать проверяла локтем температуру и разводила особое мыло, привезенное из Палермо. Поначалу сестры ревновали, но потом привыкли и с удовольствием наблюдали за купанием голенького младенца. Он никогда не плакал – наоборот, радостно смеялся, пока мать, склонившись над тазиком, разглядывала его и объявляла его тело идеальным. Он был самый младший в семье, но рос самым сильным. И словно немного чужим. Читал книги и рассуждал о политике; считалось, что ростом и красотой он обязан времени, проведенному в материнской утробе в Америке. Но его любили – очень – за доброту и бескорыстие.

В то утро все женщины волновались за Тури и заботливо наблюдали за тем, как он доедал свой хлеб с козьим сыром, блюдце оливок и пил кофе из цикория. Подкрепившись, они с Аспану должны были провести осла до Корлеоне, а назад вернуться с гигантским кругом сыра, ветчиной и колбасами. Им предстояло пропустить один день Фесты – все, чтобы порадовать мать и устроить настоящий праздник в честь помолвки сестры. Часть продуктов они собирались продать на черном рынке ради пополнения семейного бюджета.

Всем трем женщинам нравилось видеть двух юношей вместе. Они дружили с самого детства, были ближе, чем братья, несмотря на полную несхожесть. Аспану Пишотта, с его темной мастью, тонкими усиками кинозвезды, подвижным лицом, блестящими черными глазами и волосами цвета воронова крыла на маленькой голове, своим остроумием покорял всех женщин. И однако, каким-то странным образом, его обаяние меркло перед красотой Тури Гильяно. Тот был крупным – как древнегреческие статуи, разбросанные по всей Сицилии. Весь шоколадный – и волосы, и загорелая кожа. Он всегда держался спокойно, но движения его были стреми-

тельны. Больше всего в нем привлекали глаза. Мечтательные, золотисто-карие, со стороны они казались самыми обычными. Но если он глядел прямо на вас, его веки приопускались, словно у скульптуры, а лицо становилось безмятежным, как маска.

Пока Пишотта развлекал Марию Ломбардо разговором, Тури Гильяно поднялся к себе в спальню, чтобы подготовиться к походу, который они собирались совершить. В спальне у него был спрятан пистолет. Памятуя об унижении, пережитом прошлой ночью, он решил, что в путь без оружия не выйдет. Тури умел стрелять, потому что отец часто брал его на охоту.

На кухне мать в одиночестве дожидалась его, чтобы попрощаться. Она поцеловала Тури и нащупала у него пистолет, заткнутый за пояс.

– Тури, будь осторожен, – сказала взволнованно. – Не ссорься с *карабинери*. Если вас остановят, отдай им все.

Гильяно успокоил ее.

– Продукты они могут забирать, – сказал он. – Но я не позволю, чтобы меня избили или отправили в тюрьму.

Это она понимала. И как сицилийка гордилась сыном. Много лет назад собственная гордость, злость на окружающую нищету заставили ее убедить мужа попытать удачи в Америке. Мария Ломбардо была мечтательницей, верила в справедливость и считала, что в мире должно найтись для нее достойное место. Она накопила в Америке целое состояние и, руководимая той же гордостью, решила вернуться на Сицилию и зажечь как королева. Но тут все рухнуло. Лира в военное время обесценилась настолько, что они снова стали бедняками. Мария Ломбардо подчинилась судьбе, но для своих детей хотела иного. Ее радовало, когда Тури выказывал тот же нрав, что и у нее. Однако она страшилась того дня, когда он столкнется с суровой реальностью жизни на Сицилии.

Мария Ломбардо глядела, как он уходит по мощеной виа Белла следом за Аспану Пишоттой. Ее сын Тури шел как гигантская кошка; грудь у него была такая широкая, а руки и ноги такие мускулистые, что Аспану на его фоне казался стебельком травы. Но у него была хитрость, которой не хватало ее сыну, были жестокость и кураж. Аспану охранит Тури от жестокого мира, в котором они вынуждены жить. К тому же она питала слабость к темной привлекательности Аспану, хоть и считала своего сына более красивым.

Она глядела, как они шагают по виа Белла прочь из города в сторону долины Кастелламаре. Ее сын, Тури Гильяно, и сын ее сестры, Гаспар Пишотта. Двое юношей, которым едва исполнилось по двадцать лет, а выглядели они и того моложе. Она любила их обоих и за обоих боялась.

Наконец и они, и их ослик скрылись за подъемом улицы, но она продолжала смотреть. И вот они появились снова, высоко над Монтелепре, у подножия гор, окружавших город. Мария Ломбардо Гильяно продолжала смотреть – словно она никогда больше их не увидит, – пока парни не растаяли в утреннем тумане на горных склонах. Растворились в воздухе, положив начало легенде.

Глава 4

В сентябре 1943 года на Сицилии можно было выжить, только торгуя на черном рынке. Система rationирования, учрежденная с началом войны, продолжала действовать, и фермерам приходилось свозить свою продукцию на централизованные государственные склады, где ее по фиксированным ценам покупали за бумажные деньги, которые ничего не стоили. Правительство в ответ должно было продавать и распределять эти товары населению по низким ценам. Так каждый получал достаточно еды, чтобы прокормиться. В действительности фермеры припрятывали то, что могли – ведь все, что поступало на государственные склады, тут же присваивали дон Кроче Мало и его приближенные, чтобы продать на черном рынке. Людям приходилось покупать продукты там – и нарушать закон о контрабанде, чтобы выжить. Если их на этом ловили, то отправляли под суд и сажали в тюрьму. Ну и что, что в Риме сидело демократическое правительство? Да, люди могли голосовать – а тем временем голодали.

Тури Гильяно и Аспану Пишотта нарушали эти законы с легким сердцем. У Пишотты были связи на черном рынке – именно он уговорился насчет сделки. Фермер даст ему большой круг деревенского сыра, который Аспану доставит закупщику в Монтелепре – а в качестве оплаты получит четыре копченых окорока и корзину колбас, которыми будут угощать на помолвке сестры. Они нарушали сразу два закона: один о запрете торговли на черном рынке, второй о контрабанде между провинциями Италии. С теми, кто торговал на черном рынке, власти ничего не могли поделать – за это можно было отправить в тюрьму все население Сицилии. А вот с контрабандой дело обстояло по-другому. Патрули национальной полиции, *карабинери*, рыскали по селам, устраивали засады, платили доносчикам. Естественно, они не связывались с караванами дона Кроче Мало, который перевозил продукты на американских военных грузовиках, со специальными правительственными пропусками. Однако они всю ловили мелких фермеров и изголодавшихся крестьян.

На то, чтобы добраться до фермы, ушло четыре часа. Гильяно с Пишоттой забрали громадный круг зернистого белого сыра и другие товары и погрузили их на осла. Набросали сверху сизаля и бамбука, чтобы все выглядело так, будто они везут траву на корм домашнему скоту, который держали многие горожане. У них еще были беспечность и самоуверенность юношей, даже детей, которые прячут от родителей свои сокровища, уверенные, что одного желанья обмануть вполне достаточно. Отчасти эта уверенность основывалась еще и на том, что они отлично знали потаенные тропки в горах.

Отправляясь в долгий обратный путь, Гильяно послал Пишотту вперед – посмотреть, нет ли *карабинери*. Они договорились, что тот свистнет в случае опасности. Ослик легко вез сыр и не упрямился, поскольку перед выходом получил неплохую награду. Они шли уже два часа, медленно спускаясь в предгорья, без всяких признаков надвигающейся опасности. Потом Гильяно увидел за спиной, где-то в трех милях, караван из шести мулов и всадника на лошади, который двигался той же тропой. Если ее знали другие торговцы с черного рынка, полиция могла устроить тут засаду. И снова Тури предусмотрительно отправил Пишотту вперед.

Еще через час он нагнал Аспану, который сидел на валуне, курил сигарету и заходилась кашлем. Аспану был бледен; не следовало ему курить. Тури Гильяно сел с ним рядом передохнуть. С самого детства между ними действовал молчаливый уговор – не командовать друг другом, поэтому Тури ничего не сказал. Наконец Аспану затушил сигарету и сунул почерневший окурок в карман. Они пошли дальше: Гильяно вел осла под уздцы, а Аспану шагал следом.

Тропинка вела в обход дорог и деревенок, но местами на ней попадались древнегреческие резервуары, где вода лилась из ртов покосившихся статуй, или развалины норманнских замков, столетия назад преграждавших путь захватчикам. Тури Гильяно размышлял о прошлом и будущем Сицилии. Думал про своего крестного, Гектора Адониса, который обещал приехать

на следующий день после Фесты и помочь ему заполнить бумаги для поступления в Университет Палермо. При мысли о крестном сердце Тури сжалось от горечи. Гектор Адонис никогда не ходил на Фесту; пьяные мужчины могли посмеяться над его ростом, а дети, многие из которых были выше, – жестоко обидеть. Тури не понимал, зачем бог задержал рост этого человека, одновременно наделив его голову столькими знаниями. Он считал Гектора Адониса самым умным человеком на свете и любил за доброту, которую тот проявлял к нему и его родителям.

Он думал об отце, который тяжело трудился на своем клочке земли, и о сестрах в поношенных платьях. Марианнине еще повезло, что она такая красивая и смогла найти мужа, несмотря на бедность и суровые времена. Однако больше всего он беспокоился о матери, Марии Ломбардо. Даже ребенком Тури чувствовал, насколько она разочарована, насколько несчастна. Мать вкусила богатых плодов Америки и не могла быть счастлива в нищем сицилийском городке. Его отец много рассказывал о тех славных деньках, и она неизменно разражалась слезами.

Но он изменит жизнь своей семьи, думал Тури Гильяно. Он будет много трудиться, выучится и станет таким же великим человеком, как его крестный.

Они вступили в рощицу, одну из немногих в этой части Сицилии, где остались, казалось, только белые валуны и мраморные карьеры. За перевалом начинался спуск к Монтелепре; тут следовало остерегаться рыскающих в окрестностях патрулей национальной полиции, *карабинери*. К тому же они приближались к Куатро Молине, перекрестку четырех дорог, где приходилось быть особенно осторожными. Гильяно натянул поводья осла и махнул Аспану рукой, приказывая остановиться. Они постояли в молчании несколько секунд. Ни одного постороннего звука – лишь мерный гул бесчисленных насекомых, напоминавший визг пилы где-то вдалеке. Они миновали перекресток, а потом снова оказались в лесу. Тури Гильяно вернулся к своим мечтам.

Тут деревья расступились, словно их раздвинула чья-то рука, и они вышли на прогалину, усыпанную мелкими камешками, из которой прорастали молодые стебли бамбука и редкая травка. Вечернее солнце уже садилось; оно казалось бледным и холодным над гранитом гор. За прогалиной тропинка убегала по спирали вниз, в сторону Монтелепре. Внезапно Гильяно вынырнул из своих грез. Левым глазом он уловил вспышку яркого света – словно огонек спички. Рывком остановил осла и дернул за руку Аспану.

В тридцати шагах от них из зарослей вышли незнакомые мужчины. Их было трое; Тури Гильяно смог разглядеть их жесткие военные фуражки и черную форму с белым кантом. Его затошнило от отвратительного чувства разочарования и стыда – их все-таки поймали. Трое мужчин веером разошлись в стороны, приближаясь к ним, держа оружие наготове. Двое были молодые, с наивными румяными лицами, в фуражках, нелепо сдвинутых на затылок. В излишнем рвении они тыкали в воздух своими автоматами.

Карabinieri в центре был старше, с винтовкой в руках. Фуражка закрывала его изборожденное оспинами и шрамами лицо до самых глаз. На рукаве у него красовались сержантские нашивки. Вспышка, которую заметил Гильяно, была солнечным зайчиком, отскочившим от стального дула винтовки. Мужчина мрачно улыбался, уверенно целясь Тури в грудь. При виде этой улыбки отчаяние Гильяно сменилось гневом.

Сержант с винтовкой шагнул вперед; двое остальных держались у него с боков. Тури Гильяно насторожился. Молоденьких *карабинери* с автоматами он не боялся; они без опаски подходили к ослу, не воспринимая ситуацию всерьез. Жестами они показали Гильяно и Пишотте не шевелиться. Один из них выпустил автомат, и тот повис на ремне у него через плечо. Освободившимися руками он стряхнул ворох травы с поклажи на спине у осла и, увидев продукты, присвистнул с жадным изумлением. Он не заметил, как Аспану шагнул к нему, зато заметил сержант с винтовкой. Он закричал:

– Ты, с усами, а ну назад! – И Аспану отступил к Тури.

Сержант подошел ближе. Гильяно внимательно следил за ним. Лицо в оспинах казалось усталым, но глаза угрожающе сверкали.

– Ха, неплохой сыр! – сказал сержант. – Пойдет у нас в казарме к макаронам. А теперь назовите имя фермера, который вам его дал, и можете двигать со своим ослом обратно домой.

Они не отвечали. Сержант ждал. Они по-прежнему молчали.

Наконец Гильяно спокойно сказал:

– Я могу дать вам тысячу лир, если вы отпустите нас.

– Подотрись своими лирами, – ответил сержант. – Ну-ка, давайте сюда документы. И если они не в порядке, я заставлю вас обделаться и потереться ими.

Наглость его слов, наглость этих черно-белых униформ пробудили в Гильяно ледяной гнев. В тот момент ему стало ясно, что он не позволит себя арестовать, не даст этим мужчинам ограбить себя и свою семью.

Тури вытащил удостоверение и двинулся к сержанту. Он надеялся выйти из-под прицела винтовки, понимая, что координация у него лучше, чем у патрульных, и делал на это основную ставку. Однако сержант взмахом винтовки показал, чтобы он остановился. И скомандовал:

– Бросай на землю.

Тури повиновался.

Пишотта, в пяти шагах слева от Гильяно, понял, что у товарища на уме; он знал, что под рубашкой у того спрятан пистолет, и попытался отвлечь внимание сержанта. С напускной беззаботностью он сказал, склоняясь вперед и протягивая руку за ножом, спрятанным в ножнах на спине:

– Если мы выдадим вам имя фермера, зачем тогда наши документы? Уговор так уговор. – Потом сделал паузу и с сарказмом добавил: – *Карabinieri* всегда держат свое слово, не так ли? Это «*карабинери*» он даже не произнес, а с ненавистью выплюнул изо рта.

Сержант сделал несколько шагов к Пишотте. И остановился. Потом улыбнулся, поднял винтовку. Скомандовал:

– И твои документы, красавчик, тоже. Или у тебя их нет, как и у твоего осла, у которого усы покрасивей твоих?

Двое молодых полицейских расхохотались. Глаза Пишотты блеснули. Он шагнул к сержанту:

– Документов у меня нет. И фермера я не знаю. А продукты мы нашли на дороге – валялись без присмотра.

Однако его дерзость не достигла цели. Пишотта надеялся, что сержант подойдет ближе, на расстояние удара, но тот, наоборот, отступил и снова улыбнулся, сказав:

– *Бастинадо* выбьет из вас вашу сицилийскую самоуверенность. – Сделав паузу, скомандовал: – А ну-ка, оба, лечь на землю!

Под *бастинадо* имелась в виду порка кнутами и палками. Гильяно знал нескольких человек в Монтелепре, которых подвергли ей в казармах Беллампо. Они возвращались домой с перебитыми коленями, головами, раздувшимися, как тыквы, и внутренностями, поврежденными настолько, что о работе больше не могло идти речи. *Карabinieri* никогда не сделают этого с ним. Гильяно опустился на одно колено, словно собираясь лечь, оперся рукой о землю, а другой потянулся к поясу, чтобы вытащить пистолет из-под рубашки. Лужайку заливал прозрачный закатный свет, солнце за деревьями уже опустилось за дальние горы. Он видел, что Пишотта стоит, отказываясь подчиниться. Уж точно их не застрелят из-за куска контрабандного сыра. Он заметил, что автоматы в руках молодых полицейских дрожат.

В этот момент послышалось ржание мулов и стук копыт, а следом на лужайку вышел караван, который Гильяно заметил раньше на тропе. У всадника на лошади через плечо висела *лупара*, он выглядел огромным в своей толстой кожаной куртке. Мужчина спешился и сказал сержанту с винтовкой:

– Так-так, отловил пару сардинок?

Они определенно были знакомы. Впервые сержант ослабил бдительность, чтобы взять деньги, которые протянул ему мужчина. Эти двое широко улыбнулись друг другу. Об арестованных ненадолго забыли.

Тури Гильяно медленно двинулся к ближайшему полицейскому. Пишотта отступил в сторону бамбуковых зарослей. Патрульные этого не заметили. Гильяно ударил полицейского кулаком, сбив с ног. А потом крикнул Пишотте:

– Беги!

Тот нырнул в кусты бамбука, Тури побежал к деревьям. Оставшийся патрульный остолбенел, не успев вовремя схватиться за оружие. Гильяно, уже ныряя под укрытие леса, возликовал; он в прыжке протиснулся между двух толстых деревьев, суливших надежную защиту. Одновременно выдернул из-под рубашки пистолет.

Однако он не ошибся, решив, что сержант – самый опасный из всего патруля. Тот отшвырнул скрутку денег на землю, подхватил свою винтовку и хладнокровно выстрелил. Выстрел попал в цель; Гильяно рухнул, как подбитая птица.

Он успел услышать выстрел, и в то же мгновение его пронзила боль – словно удар тяжелой дубины. Тури упал на землю меж двух деревьев и попытался встать, но не смог. Ног он не чувствовал и не мог пошевелить ими. Не выпуская из рук пистолет, перевернулся и увидел, как сержант триумфальным жестом потрясает в воздухе винтовкой. И тут Гильяно ощутил, как его штаны наполняются кровью, липкой и теплой.

Спуская курок, Тури чувствовал лишь изумление. Его подстрелили из-за куска сыра. Порвали ткань его семьи с жестокой беспечностью лишь потому, что он нарушил тот же закон, что нарушали сотни других, и попытался сбежать. Мать будет оплакивать сына до конца своих дней. Он лежит на земле, весь в крови, – человек, за всю жизнь не причинивший другим никакого вреда.

Тури нажал на спуск – и увидел, как винтовка упала, а черная фуражка с белым кантом взлетела в воздух. Мертвое тело осело и распласталось по каменистой земле. Попасть в цель из пистолета с такого расстояния было практически невозможно, но рука Гильяно словно проследовала за пулей и воткнула ее, как кинжал, сержанту в глаз.

Затарахтел автомат, но его очереди уходили вверх, чирикаая, словно птички. А потом наступила тишина. Даже насекомые прервали свой неумолчный гул.

Гильяно откатился в кусты. Он видел, как лицо его врага превратилось в окровавленную маску, и это придало ему сил. Он не беспомощен. Снова попытался встать, и на этот раз ноги ему подчинились. Тури хотел бежать, но лишь одна нога шагала вперед, а вторая волочилась по земле, и это его удивило. В паху было тепло и липко, брюки намокли от крови, в глазах мутилось. Выбежав на прогалину, он испугался, что вернулся по кругу на то же самое место, и стал разворачиваться. Но тело его начало заваливаться – и не на землю, а в бесконечную багровую бездну, и он знал, что падает в нее навсегда.

* * *

На прогалине молодой патрульный снял палец со спускового крючка автомата, и чирикание прекратилось. Контрабандист поднялся с земли с толстой скруткой денег в руке и протянул их другому патрульному. Тот ткнул в него автоматом и сказал:

– Ты арестован.

Контрабандист ответил:

– Просто поделите это на двоих. А меня отпустите.

Полицейские переглянулись, потом посмотрели на сержанта. Он совершенно точно был мертв. Пуля разmozжила глаз и глазницу; в ране пузырилась желтоватая жижа, в которую уже запустил свои усики геккон.

Контрабандист продолжал:

– Я проберусь через кусты и догоню его, он же ранен. Доставлю его вам, и вас объявят героями. Только отпустите.

Второй патрульный поднял удостоверение, которое Тури бросил на землю по приказу сержанта. Вслух прочитал: «Сальваторе Гильяно, город Монтелепре».

– Незачем его сейчас искать, – сказал другой. – Надо вернуться в казарму и отчитаться, это важнее.

– Трусы, – бросил контрабандист.

Он уже подумывал схватиться за свою *лунару*, но патрульные устали на него с неприкрытой ненавистью. Он их оскорбил. За это оскорбление они заставили его погрузить труп сержанта на лошадь и довести до казарм. А перед тем разоружили. Они так суетились, что оставалось лишь надеяться, что его не застрелят по ошибке, просто из-за нервозности. Вообще-то контрабандист не очень волновался. Он был хорошо знаком со старшиной Роккофино из Монтелепре. Они проворачивали кое-какие делишки, будут проворачивать и впредь.

Про Пишотту на время забыли. Но он слышал все, что они говорят, лежа в глубокой, заросшей травой ложбинке с ножом наготове. Аспану ждал, что они погонятся за Тури Гильяно, и собирался напасть на одного из патрульных и завладеть его оружием, перерезав ему глотку. Ярость, охватившая его, подавила страх смерти, и когда он услышал, как контрабандист предлагает притащить Тури к патрульным, лицо этого человека навеки запечатлелось у него в мозгу. Он почти жалел, что они ушли и оставили его одного на горном склоне. И сильно разозлился, когда его осла привязали последним к каравану мулов.

Однако Аспану знал, что Тури тяжело ранен и нуждается в помощи. Он обошел прогалину, заглянул за деревья, куда скрылся его товарищ. Тела его в зарослях не оказалось, и Пишотта побежал по тропинке в ту сторону, откуда они пришли.

По-прежнему никаких следов – пока он не забрался на гигантский гранитный валун, на вершине которого была небольшая выемка. В этой выемке Аспану заметил лужицу почти черной крови, а на другом краю валуна – цепочку ярко-красных капель. Он побежал дальше и, к своему удивлению, увидел тело Гильяно, распростертое поперек тропинки; в руке тот по-прежнему сжимал пистолет.

Аспану присел на колени, забрал пистолет и сунул себе за пояс. В этот момент глаза Тури Гильяно приоткрылись. В них горела неукротимая ненависть, но они смотрели мимо Аспану. Тот чуть не разрыдался от облегчения и попытался поднять Тури на ноги, но у него не хватило сил.

– Тури, попытайся встать, я тебе помогу, – сказал Пишотта.

Гильяно оперся руками о землю и приподнялся. Аспану подхватил его одной рукой; ладонь сразу стала мокрой и теплой. Он убрал руку и задрал на Тури рубашку, с ужасом увидев огромную зияющую дыру у него в боку. Прислонил Гильяно к дереву, сорвал собственную рубаху и затолкал ее в рану, чтобы унять кровь, а рукава обвязал вокруг талии. Потом обнял друга одной рукой за пояс, а второй, свободной, поднял левую руку Гильяно в воздух, для равновесия. Вдвоем они стали спускаться по тропинке осторожными неловкими шагами. Издалека казалось, будто они танцуют, двигаясь вниз с горы.

* * *

Вот так Тури Гильяно пропустил Фесту святой Розалии, от которой жители Монтелепре ожидали чуда для своего городка.

Пропустил соревнования стрелков, в которых непременно победил бы. Пропустил скачки на лошадях, на которых соперники лупили друг друга по головам дубинками и хлыстами. Пропустил розовые, желтые и зеленые фейерверки, залпы которых оставляли на звездном небе цветные следы.

Не попробовал чудесных конфет из марципановой массы в форме морковок, стеблей бамбука и красных помидоров, сладких до одури, и сахарных фигурок рыцарей и героев легенд – Роланда, Оливера и Карла Великого, – с мечами, утыканными алыми шариками пастилок и изумрудными кусочками засахаренных фруктов, которые дети растащили по домам, чтобы доесть перед сном. Праздник в честь помолвки сестры прошел дома без него.

Спаривание осла с Чудесной мулицей не дало результатов. Потомства не появилось. Жители Монтелепре были разочарованы. Лишь годы спустя они поняли, что Феста все-таки явила чудо – в лице юноши, ведущего в поводу осла.

Глава 5

Аббат совершал вечерний обход францисканского монастыря, напоминая нерадивым монахам о необходимости зарабатывать хлеб насущный. Он проверил, как обстоят дела в мастерской по изготовлению святых мощей, навестил пекарню, где выпекали громадные батоны хлеба с хрустящей корочкой для окрестных деревень. Проинспектировал огород, осмотрел бамбуковые корзины, до краев наполненные оливками, томатами и виноградом, выискивая изъяны на шелковистой кожице плодов. Его монахи трудились, как эльфы в сказках – разве что не были так же веселы. Вообще, они казались довольно мрачными, но никто и не говорил, что для служения Господу необходимо веселье. Аббат вытащил из-под сутаны длинную черную сигару и еще раз обошел монастырский двор, чтобы нагулять аппетит.

Тут-то он и увидел, как Аспану Пишотта втаскивает Тури Гильяно в ворота монастыря. Привратник попытался их отогнать, но Пишотта приставил пистолет к его голове с тонзурой, и тот упал на колени, вознося Богу предсмертную молитву. Аспану уронил окровавленное, почти безжизненное тело Гильяно к ногам аббата.

Тот был высоким худым мужчиной с подвижным обезьяним лицом, состоящим словно из одних костей, носом-пуговкой и любопытными карими глазками. В свои семьдесят лет он не утратил ни физической силы, ни остроты ума и хитрости, которые очень выручали его во времена Муссолини, когда аббат, по поручению мафии, писал витиеватые письма с требованием выкупа родственникам жертв похищения.

Хотя всем, от простых крестьян до местных властей, было известно, что его монастырь стал штаб-квартирой контрабандистов и торговцев с черного рынка, в подпольную деятельность аббата тут не вмешивались, уважая его священнический сан и признавая, что за духовное руководство он заслуживает некоторого материального поощрения.

Потому-то аббат Манфреди и не удивился, увидев двоих деревенских прохвостов, которые, все в крови, вломились в священную обитель святого Франциска. Собственно, он отлично знал Гаспара Пишотту. Тот помогал ему в кое-каких контрабандистских операциях. Оба обладали изворотливостью, которую находили довольно неожиданной – один у мужчины, столь пожилого и религиозного, второй у юноши, столь молодого и неверующего.

Аббат успокоил монаха-привратника, а потом сказал Пишотте:

– Итак, дражайший Аспану, во что ты ввязался на этот раз?

Пишотта потуже затянул рубашку на ране Гильяно. Аббата удивила скорбь в его глазах; он не предполагал, что парнишка способен на подобные проявления чувств.

Снова глянув на кровоточащую рану, Пишотта решил, что его друг вот-вот умрет. И как он сообщит эту новость отцу и матери Тури? Горе Марии Ломбардо пугало его. Но сейчас ему предстояло разыграть очень важную карту и как-то убедить аббата предоставить Гильяно убежище в монастыре.

Он поглядел священнику прямо в глаза. Ему хотелось внушить тому, что прямой угрозы они не представляют, но в то же время дать понять, что с отказом он приобретет заклятого врага.

– Это мой двоюродный брат и лучший друг, Сальваторе Гильяно, – начал Пишотта. – Как видите, ему не повезло; национальная полиция вот-вот бросится разыскивать его по горам. И меня тоже. Вы – наша единственная надежда. Умоляю, спрячьте нас и пошлите за врачом. Сделайте это ради меня, и я стану вашим другом навеки.

Слово «друг» он особенно подчеркнул.

Ничто из этого не ускользнуло от аббата, который прекрасно все понял. Он слышал про юного Гильяно – храброго парня, которого уважали в Монтелепре, великолепного стрелка и охотника, взрослого не по годам. Даже «Друзья друзей» присматривались к нему в качестве

возможного кандидата. Сам великий дон Кроче, во время делового и дружеского визита в монастырь, упомянул в беседе с аббатом имя Тури – как человека, на которого стоит обратить внимание.

Однако, глядя на Гильяно, лежавшего без сознания, аббат пришел к выводу, что этому парню нужна скорее могила, а не укрытие, и священник для отпевания вместо врача. Выполняя просьбу Пишотты, он ничем не рисковал – предоставление убежища труп не считалось преступлением даже на Сицилии. Однако не хотел, чтобы Пишотта понял, что его услуга ничего не стоит.

– И почему вас ищут? – спросил он.

Пишотта заколебался. Если аббат узнает, что убит полицейский, то может отказать им в укрытии. Но если он не подготовится к обыску, без которого наверняка не обойдется, то может растеряться и выдать их. Пишотта решил сказать правду. И быстро все выложил.

Аббат опустил глаза долу, словно в печали от того, что еще одна душа отправится прямо в ад, а заодно поближе рассмотрел безжизненное тело Гильяно. Кровь насквозь пропитала рубашку, которой его перевязали. Возможно, парень умрет, пока они будут говорить, и проблема решится сама собой.

Как монах-францисканец аббат был исполнен христианского милосердия, однако в эти суровые времена ему приходилось считаться также с практическими и материальными последствиями своих благих дел. Если он предоставит укрытие и парень умрет, это будет ему на руку. Власти получают труп, а семья навечно окажется у него в долгу. Если Гильяно поправится, его благодарность принесет еще более щедрые плоды. Юноша, который смог, будучи тяжело ранен, застрелить патрульного из пистолета, – очень многообещающий должник.

Естественно, он может сдать их обоих подлецам из национальной полиции, и те быстро с ними разделаются. Но в чем тогда выгода? Власти не могут сделать для него больше, чем делают сейчас. На их территории ему ничего не грозит. А вот на дальних землях потребуются друзья. Выдав этих пареньков, он лишь приобретет себе врагов среди крестьян да пробудит неистребимую ненависть у обеих семей. Аббат не был настолько глуп, чтобы рассчитывать, что сутана защитит его от вендетты, которая неизбежно последует; кроме того, он с легкостью читал мысли Пишотты. Этот юноша далеко пойдет, прежде чем окажется в аду, где ему место. Ненависть сицилийского крестьянина нельзя не принимать в расчет. Истые христиане, они никогда не осквернят статуи Девы Марии, но в разгар кровавой вендетты застрелят хоть самого Папу Римского за нарушение *омерты* – древнего кодекса молчания перед лицом властей. На этих землях, заставленных статуэтками Иисуса, никто не придерживается заповеди о том, чтобы подставлять вторую щеку. Прощение здесь считается уделом трусов. Сицилийский крестьянин не знает, что такое снисхождение.

В одном аббат был уверен: Пишотта никогда его не предаст. Во время одного их контрабандного дельца аббат устроил так, чтобы Пишотту арестовали и допросили. Следовательно был опытный, из тайной полиции Палермо, не какой-нибудь тупица из *карабинери*; он попытал и пряник, и кнут. Но ни хитростью, ни жестокостью ему не удалось разговорить Пишотту. Тот хранил молчание. Его отпустили, а аббата заверили, что этому парню можно доверять и более серьезные поручения. С тех пор Аспану Пишотта занимал в сердце аббата особое место, и тот часто молился за спасение его души.

Аббат сунул два пальца в свой запавший рот и свистнул. Прибежали монахи; аббат велел им отнести Гильяно в дальнее крыло монастыря, где во время войны он прятал дезертиров, сыновей богатых фермеров от мобилизации в итальянскую армию. Одного монаха послали за врачом в деревню Сан-Джузеппе-Ято, в пяти милях ходу.

Пишотта сидел на кровати и держал товарища за руку. Кровотечение остановилось, и глаза Тури были открыты, однако словно подернуты пеленой. Пишотта, чуть не плача, не осмеливался заговорить. Он вытирал лоб Гильяно, мокрый от пота. Кожа Тури постепенно синела.

Доктор пришел лишь через час; по дороге он видел взводы *карабинери*, рыскающие в горах, и потому не удивился, что аббат, его друг, прячет у себя раненого. Это его не волновало: кому есть дело до полиции и правительства? Аббат – сицилиец, нуждающийся в помощи. К тому же он неизменно присылал доктору корзинку яиц по воскресеньям, бочонок вина на Рождество и барашка на Святую Пасху.

Доктор осмотрел Гильяно и перевязал рану. Пуля прошла навывлет и, судя по всему, повредила внутренние органы, печень так уж точно. Парень потерял много крови и лежал весь бледный; кожа приобрела синюшный оттенок. Вокруг рта залегла белая тень, которая – доктор знал – является предвестником смерти.

Он вздохнул и сказал аббату:

– Я сделал все, что мог. Кровь больше не идет, но он и так потерял не меньше трети – а это обычно смертельно. Укройте его потеплее, давайте по чуть-чуть молока, а я оставлю немного морфина. – И с сожалением поглядел на сильное тело Гильяно.

– Что мне сказать его матери с отцом? – прошептал Пишотта. – Есть хоть какой-то шанс?

Доктор вздохнул:

– Говорите, что хотите, но рана смертельная. Он парень крепкий и может прожить еще несколько дней, но надеяться особенно не на что.

Он увидел в глазах Пишотты отчаяние, а на лице монаха – облегчение, и сказал с иронией:

– Естественно, в этом священном месте всегда может случиться чудо.

Аббат и доктор вышли. Пишотта наклонился над другом, чтобы вытереть пот у него с брови, и был потрясен, заметив в его взгляде насмешку. Глаза Тури были карие, с серебристым кружком по радужке. Пишотта склонился ближе. Гильяно что-то шептал; говорить ему было трудно.

– Скажи моей матери, я приду домой, – произнес он. А потом сделал нечто, чего Пишотта никогда не забудет: поднял обе руки и схватил Пишотту за волосы. Хватка была сильной – непохоже на умирающего. Он притянул голову Пишотты к себе и сказал:

– Слушайся меня.

* * *

В то же утро, когда родители Гильяно позвонили ему, Гектор Адонис примчался в Монтелепре. Профессор редко останавливался там в своем доме. С юности он ненавидел родной городок и особенно избегал Фесты. Украшения раздражали его, а их яркость казалась напрасной маскировкой на фоне общей бедности. К тому же на Фесте профессора всегда подстерегали унижения: пьяные мужчины издевались над его низким ростом, а женщины пренебрежительно улыбались вслед.

Что толку, что он был куда образованнее их? К примеру, они гордились тем, что каждая семья веками красила свой дом в определенный цвет. Они не знали, что цвет дома выдавал их происхождение – кровь, которую они унаследовали от предков вместе с жилищами. Что столетия назад норманны красили свои дома в белый, греки – в голубой, арабы – в разные оттенки красного и розового, а евреи – в желтый. Теперь все они считали себя итальянцами – сицилийцами. Кровь за эти века перемешалась настолько, что даже лица горожан не выдавали их корни; если бы владельцу желтого дома сказали, что его предки были евреями, он вонзил бы кинжал в живот обидчика.

Аспану Пишотта жил в доме желтого цвета, хоть и походил больше на араба. Дом Гильяно был синим, и лицо Тури выдавало греческие корни, хотя телом он удался в крупных, ширококостных норманнов. Разные крови, перекипев и смешавшись, породили нечто причудливое и опасное – коренного сицилийца, почему Адонис и оказался в Монтелепре в тот день.

На каждом углу виа Белла стояло по паре *карабинери* с мрачными лицами; все держали наготове винтовки и автоматы. Начался второй день Фесты, но эта часть города была пустынной, даже дети не бегали по улицам. Гектор Адонис остановил машину возле дома Гильяно, заехав на узкий тротуар. Пара *карабинери* подозрительно уставилась на него, но, когда он вылез из машины, те усмехнулись при виде его низенькой фигурки.

Дверь открыл Пишотта; он же провел профессора внутрь. Мать и отец Гильяно ждали на кухне; завтрак – холодная колбаса, хлеб и кофе – стоял на столе. Мария Ломбардо была спокойна – Аспану, ее любимчик, заверил, что Тури непременно поправится. Она была скорее сердита, чем напугана. Отец Гильяно выглядел не опечаленным, а гордым. Его сын доказал, что он – настоящий мужчина; остался в живых, а его враг погиб.

Пишотта повторил свою историю, не лишенную утешительного юмора. Рану Гильяно он упомянул лишь вскользь, как и собственный героизм – ведь ему пришлось тащить друга по горе до монастыря. Однако Гектор Адонис понимал, насколько нелегко было хрупкому Пишотте волоочь раненого три мили по пересеченной местности. К тому же он обратил внимание, как мимоходом Пишотта описал ранение друга. Адонис опасался худшего.

– Откуда *карабинери* догадались, что надо искать здесь? – спросил профессор.

Пишотта рассказал, что Гильяно пришлось показать свои документы. Мать Гильяно всплеснула руками:

– Ну почему Тури не отдал им сыр? Зачем стал сопротивляться?

Отец Гильяно резко оборвал жену:

– А что ему надо было делать? Сдать того беднягу-фермера? Да он навсегда обесчестил бы наше имя!

Гектор Адонис был поражен разницей их замечаний. Он знал, что мать всегда была сильнее и яростнее отца. Однако теперь она жаловалась, а отец перечил ей. А Пишотта, этот мальчишка Аспану: кто бы мог подумать, что ему достанет храбрости выручить товарища и спрятать в безопасном месте? Да еще и хладнокровно врать родителям насчет тяжести состояния их сына.

– Если б только он не показал удостоверения... – сказал отец Гильяно. – Наши друзья поклялись бы, что все время он был тут, на улицах.

Мать Гильяно вздохнула:

– Они все равно арестовали бы его. – На глазах у нее навернулись слезы.

– Теперь ему придется жить в горах.

– Надо принять меры, чтобы аббат не выдал его полиции, – заявил Гектор Адонис.

Пишотта нетерпеливо заметил:

– Он не осмелится. Знает, что я вздерну его на суку – и не посмотрю на сутану.

Адонис окинул Пишотту долгим взглядом. В этом юноше таилась смертельная угроза. Очень глупо ранить эго столь молодого человека, думал он. Полицейским никогда не понять, что можно безнаказанно оскорбить взрослого мужчину, которого уже потрепала жизнь, и он не примет близко к сердцу слова другого человеческого существа, в то время как для юноши это будет смертельное унижение.

Они ждали помощи от Гектора Адониса, который в прошлом уже выручал их сына. Гектор сказал:

– Если полиция узнает, где он, у аббата не останется выбора. Его самого кое в чем подозревают. Думаю, лучше всего будет, с вашего позволения, попросить моего друга, дона Кроче Мало, повлиять на аббата.

Все удивились тому, что он знаком с великим доном, – кроме Пишотты, наградившего его понятливой улыбкой. Адонис резко бросил, обращаясь к нему:

– А ты что тут делаешь? Тебя опознают и арестуют. У них есть твое описание.

Пишотта ответил с презрением:

– Те двое патрульных едва не обделались с испугу. Они своих мамаш не смогут опознать. И у меня есть дюжина свидетелей, которые подтвердят, что вчера я был в Монтелепре.

Гектор Адонис постарался принять максимально солидный профессорский вид.

– Не пытайтесь навестить сына – и никому, даже ближайшим друзьям, не говорите, где он. У полиции повсюду шпионы и информаторы. Аспану будет проводить Тури по ночам. Как только тот сможет передвигаться, я устрою так, чтобы он пожил в другом городе, пока все не успокоится. При помощи денег мы все уладим, Тури сможет вернуться домой. Не тревожься за него, Мария, подумай о своем здоровье. А ты, Аспану, держи меня в курсе.

Профессор обнял мать и отца. Когда он уезжал, Мария Ломбардо все еще плакала.

Ему предстояло множество дел – в первую очередь связаться с доном Кроче и договориться о том, чтобы Тури Гильяно не трогали в его убежище. Слава богу, правительство в Риме не обещало вознаграждения за информацию об убийстве полицейских, иначе аббат продал бы Тури так же быстро, как продавал святые мощи.

* * *

Тури Гильяно неподвижно лежал на кровати. Он слышал, как доктор объявил его рану смертельной, но не мог поверить, что умирает. Ему казалось, будто он завис в воздухе; не было ни страха, ни боли. Нет, он не может умереть. Он не знал, что большая потеря крови вызывает эйфорию.

Один из монахов ухаживал за ним, поил молоком. По вечерам приходили аббат с доктором. Ночью его навещал Пишотта – он держал товарища за руку и развлекал в долгие суровые часы темноты.

По истечении двух недель доктор провозгласил, что произошло чудо.

Тури Гильяно приказывал своему телу поправляться, заново нагонять кровь, сращивать пострадавшие органы, прорванные стальной оболочкой пули. В эйфории от потери крови он мечтал о будущей славе. Ощущал новую свободу, словно с этого момента с него снималась всякая ответственность за дальнейшие действия. Законы общества, строгий сицилийский кодекс кровного родства больше не связывали его. Он будет поступать так, как сочтет нужным; пролитая кровь словно сделала его неприкосновенным. А все потому, что бестолковый *карабинери* подстрелил его из-за куска сыра.

В те недели, что ушли на выздоровление, Тури раз за разом проигрывал в голове дни, когда он и другие деревенские жители собирались на центральной площади в ожидании *габеллотти*, надсмотрщиков из больших поместий, которые выбирали, кого увезти до вечера на работу – за нищенскую плату, – и вид у них был такой, словно им принадлежит весь мир. Урожаи распределялись так несправедливо, что крестьяне после целого года работы становились еще беднее, чем до того. Тяжелая рука закона карала обездоленных, а богачам прощались все грехи.

Тури поклялся, что если выздоровеет, то добьется справедливости. Никогда больше не будет он бесправным парнишкой, отданным на волю судьбы. Он вооружится – физически и духовно. В одном Тури был уверен: впредь он никогда не окажется беспомощным перед миром – как тогда, с Гвидо Кинтаной или с полицейским, который выстрелил в него. Прежнего Тури Гильяно больше не существовало.

* * *

В конце месяца доктор посоветовал ему отдохнуть еще несколько недель, постепенно привыкая к нагрузкам, и Гильяно, надев монашескую рясу, начал совершать прогулки по территории монастыря. Аббат проникся к юноше симпатией и часто сопровождал его, рассказы-

вая о том, как сам в молодости путешествовал по дальним странам. Его симпатию укрепило еще и щедрое пожертвование Гектора Адониса – якобы чтобы тот помолился за души бедняков, – и личная рекомендация дона Кроче присмотреться к пареньку.

Что до самого Гильяно, он был поражен тем, как живут монахи. В краях, где люди почти что голодали, где крестьянам за поденную работу платили по пятьдесят чентезимо в день, монахи-францисканцы жили как короли. Монастырь был по сути гигантским процветающим поместьем.

Там имелся и лимонный сад, и роща олив, древних, как сам Христос. Была небольшая плантация бамбука и собственная бойня, куда отправляли овец из овчарни и свиней из загонов. По двору стайками бродили индюки и куры. Монахи каждый день ели мясо, а не одни спагетти, и пили домашнее вино из собственного громадного погреба, и покупали на черном рынке табак, который курили как дьяволы.

Но и работали они тяжело. Трудились от зари дотемна – в рясах, подоткнутых до колен, истекая потом. На головы с тонзурами, для защиты от солнца, они нацепляли дурацкие американские шляпы, коричневые и черные, которые аббат выменял у какого-то армейского офицера-снабженца за бочонок вина. Монахи носили шляпы каждый по-своему: кто с опущенными полями, по-гангстерски, кто с загнутыми кверху, так что в ложбинку можно было прятать сигареты. Аббат постепенно возненавидел эти шляпы и запретил надевать их куда-то кроме огорода.

На следующие четыре недели Гильяно стал таким же монахом, к вящему удивлению аббата охотно работая в саду и на полях, помогая другим монахам перетаскивать тяжелые корзины с фруктами и оливками в амбар. Он чувствовал себя гораздо лучше и наслаждался трудом, с радостью демонстрируя всем, какой он сильный. Его корзины нагружали доверху, но он ни разу даже не согнул коленей. Аббат, с гордостью взиравший на него, сказал, что Тури может оставаться в монастыре, сколько пожелает, – у него есть все качества настоящего человека Божия.

Четыре недели Тури Гильяно был счастлив. В конце концов, он же восстал из мертвых телом и душой, вынырнул из бреда и снов. Ему нравился старый аббат, говоривший с ним доверительно и открывавший секреты монастыря. Старик хвастался тем, что всю продукцию продает сразу на черном рынке, не сдавая на правительственные склады. За исключением вина – его монахи поглощают сами. По ночам в монастыре пили и играли в карты, приводили даже женщин, но аббат закрывал на это глаза.

– Времена сейчас суровые, – объяснял он Гильяно. – Блаженство на небесах – слишком дальняя перспектива, людям нужно получать какое-никакое удовольствие. Господь их простит.

Как-то раз, в дождливый полдень, аббат провел Тури в противоположное крыло монастыря, где располагался склад. Тот был забит священными реликвиями, изготовленными ловкой командой монахов. Аббат, как обычный лавочник, жаловался на тяжелые времена.

– До войны дела у нас шли отлично, – вздыхал он. – Склад никогда не наполнялся больше чем наполовину. А теперь только посмотри – сколько тут накопилось сокровищ! Вот это, к примеру, косточка из рыбы, которую преумножил Христос. Посох Моисея, с которым тот отправился на Землю обетованную.

Аббат сделал паузу, с хитрым довольством глянув в изумленное лицо Гильяно. Его собственная костистая физиономия растянулась в лукавой улыбке. Пнув ногой гору деревяшек, он сказал, чуть ли не похваляясь:

– Это был наш самый ходовой товар. Сотни щепок с креста, на котором распяли Иисуса. А в этой корзине можно найти мощи любого святого, какой придет на память. Нет на Сицилии такого дома, где не хранили бы косточку какого-нибудь святого. Есть еще отдельная кладовая: там у меня тринадцать рук святого Андрея, три головы Иоанна Крестителя и даже семь ком-

плектов лат, в которых сражалась Жанна д'Арк. Зимой наши монахи ходили по всей стране, торговали этими сокровищами.

Тури рассмеялся, и аббат улыбнулся в ответ. Однако в действительности Гильяно думал, что бедняков обманывают все – даже те, кто должен указывать дорогу к спасению. Это тоже следовало взять на заметку.

Аббат показал ему большой кувшин с медальонами, благословленными кардиналом Палермо, тринадцать плащаниц, которые были на Христе после казни, и две черные статуэтки Девы Марии. Тури Гильяно перестал смеяться. Он рассказал аббату о черной Пресвятой Деве, которая стояла в доме у его матери – та владела ею с самого детства и очень почитала, статуэтка передавалась в семье из поколения в поколение. Неужели и она подделка? Аббат добродушно похлопал юношу по плечу и сказал, что такие копии изготавливались в монастыре больше сотни лет – их вырезают из добротной древесины олив. Однако он заверил Гильяно, что и у копий есть своя ценность, потому что делают их немного.

Аббат несколько не стеснялся признаваться убийце в столь постыдных для святого человека деяниях. Тем не менее неодобрительное молчание Гильяно сбивало с толку. Словно в свою защиту аббат сказал:

– Помни, мы, кто посвятил себя Господу, тоже живем в материальном мире, с людьми, которые не собираются ждать высшей награды на небесах. У нас есть семьи, и мы должны им помогать, оберегать их. Многие наши монахи – бедняки, и семьи их бедны – настоящая соль земли. Мы не можем позволить, чтобы наши сестры и братья, племянники и племянницы погибли от голода в нынешние суровые времена. Святая Церковь тоже нуждается в нашей поддержке, ей надо защищаться от врагов. Надо бороться с коммунистами и социалистами, сбившимися с пути либералами, а на это требуются деньги. Верующие – лучшая поддержка для Матери-Церкви! За наши священные реликвии они платят деньги, которые идут на борьбу с неверными, а сами получают душевный покой. В противном случае они потратили бы их на игру, или выпивку, или продажных женщин. Ты не согласен?

Гильяно кивнул, но снова улыбнулся. Для него, совсем юного, было неожиданностью столкнуться со столь изощренным лицемерием. Аббата улыбка Тури рассердила – он ожидал более почтительного ответа от убийцы, которого укрыл у себя и исцелил, вырвав из лап смерти. Хотя бы из признательности и уважения тот мог сделать вид, что искренне верит и соглашается со всем сказанным. Этот контрабандист, преступник, этот *деревенщина*, Тури Гильяно мог выказать больше понимания, больше христианского всепрощения. Аббат молвил сурово:

– Помни, что истинная вера – вера в чудеса.

– О да, – сказал Гильяно. – И я верю всем сердцем, что вы помогаете нам отыскивать их.

Он сказал это без ехидства, просто весело, в искреннем стремлении порадовать своего благодетеля. Однако едва удержался от смеха.

Аббат был польщен; его теплые чувства к Тури вернулись. В конце концов, он хороший парень, с ним приятно было провести эти пару месяцев, и очень удачно, что теперь Гильяно его должник. Он точно не окажется неблагодарным – за последнее время парень не раз доказал свою честность. Словами и делами, день за днем, подтверждал свое уважение и признательность аббату. В нем нет жестокосердия преступника. Но что ожидает такого человека на нынешней Сицилии – бедной, кишасей доносчиками, бандитами и закоренелыми грешниками? Что поделаешь, думал аббат, тот, кто убил один раз, убьет и другой – это неизбежно. Он решил, что дону Кроче следует наставить Тури на правильный путь.

Однажды, когда Гильяно отдыхал у себя на кровати, к нему явился посетитель. Аббат представил его как отца Беньямина Мало, своего близкого друга, а потом оставил их вдвоем.

Отец Беньямино испытующе начал:

– Дорогой юноша, надеюсь, вы оправились от ран. Аббат сказал мне, что это было настоящее чудо.

Гильяно вежливо кивнул:

– Милость Божья.

Отец Беньямино склонил голову, словно и сам получил благословение.

Тури внимательно рассматривал его. Священник явно никогда не работал в полях. Подол-
рясы у него был слишком чистый, щеки слишком пухлые, руки слишком нежные. Однако лицо
казалось достаточно благочестивым: смиренным, исполненным христианской кротости.

Таким же мягким и ласковым голосом отец Беньямино произнес:

– Сын мой, я готов выслушать твое признание и отпустить грехи. Освободившись от них,
ты сможешь вернуться в мир с чистым сердцем.

Гильяно окинул взглядом священника, наделенного такой силой, и ответил:

– Простите, святой отец, но я еще не готов покаяться и не хочу солгать, исповедуясь
перед вами. Однако спасибо за благословение.

Священник, кивнув, сказал:

– Да, это лишь усугубило бы твои грехи. Но у меня есть и другое предложение, пожа-
луй, более практичное в нынешней ситуации. Мой брат, дон Кроче, послал меня спросить, не
захочешь ли ты укрыться у него в Виллабе. Тебе будут хорошо платить, и конечно, власти не
осмелятся тебя беспокоить, пока ты находишься под его защитой.

Гильяно поразился тому, что весть о его проступке дошла до самого дона Кроче. Он
понял, что должен быть осторожен. Тури ненавидел мафию и не хотел попасться в ее сети.

– Это большая честь для меня, – сказал он, – я очень благодарен и вам, и вашему брату.
Но мне надо посоветоваться с семьей, учесть мнение родителей. Поэтому пока что позвольте
отклонить ваше любезное предложение.

Он видел, что священник удивлен. Кто на Сицилии откажется от покровительства вели-
кого дона? Поэтому Тури добавил:

– Возможно, через несколько недель я передумаю и приеду повидаться к вам в Виллабу.

Отец Беньямино, воспрянув духом, воздел руки в жесте благословения.

– С Богом, сын мой, – был его ответ. – Ты всегда желанный гость в доме моего брата.

Он осенил Тури крестным знамением и вышел.

* * *

Тури понял, что наступило время покинуть монастырь. Когда вечером Аспану Пишотта
пришел проводить его, Гильяно проинструктировал того, *что* следует предпринять, чтобы он
смог вернуться в большой мир. Тури понимал, что изменился, – и его друг тоже. Пишотта,
не моргнув глазом, выслушал его распоряжения, которым предстояло изменить всю их жизнь.
Наконец Гильяно сказал:

– Аспану, ты можешь последовать за мной или остаться со своей семьей. Поступай так,
как сочтешь правильным.

Пишотта улыбнулся:

– Ты считаешь, что я позволю тебе заграбастать всю славу? Жить привольно в горах,
пока я буду водить под уздцы осла и собирать оливки? И как насчет нашей дружбы? Неужели
я позволю тебе одному переселиться в горы, где мы играли и трудились бок о бок с самого
детства? Только когда ты, свободный, вернешься в Монтелепре, я снова вступлю туда. Поэтому
не говори больше глупостей. Я приду за тобой спустя четыре дня. Мне потребуется время,
дабы выполнить то, что ты приказал.

* * *

В эти четыре дня Пишотта был очень занят. Он уже выследил контрабандиста на лошади, который предлагал догнать раненого Гильяно. Его звали Маркуцци, он был человек влиятельный и проводил контрабандные операции при покровительстве дона Кроче и Гвидо Кинтаны. Его дядька, тоже Маркуцци, был влиятельным мафиозо.

Пишотта узнал, что Маркуцци регулярно совершает переходы из Монтелепре в Кастелламаре. Аспану знал фермера, у которого контрабандист держал своих мулов, и когда увидел, что животных вывели с пастбища и загнали в сарай в окрестностях городка, предположил, что на следующий день Маркуцци двинется в путь. На рассвете Пишотта занял свой пост у тропы, по которой тот должен был идти, и стал ждать. Он захватил с собой *лунару* – оружие, считавшееся в сицилийских семьях обычным предметом обихода. Обрезы на Сицилии так часто использовались для убийств, что, когда Муссолини разделался с мафией, он приказал разобрать все каменные изгороди до высоты не больше метра, чтобы убийцы не могли спрятаться за ними.

Аспану решил убить Маркуцци не только потому, что контрабандист предлагал полиции помощь в поимке раненого Гильяно, но и потому, что тот хвастался этим перед своими приятелями. Смерть контрабандиста должна была послужить предупреждением всем, кто захочет выдать Гильяно. Кроме того, им пригодится оружие, которое будет у Маркуцци при себе.

Долго ждать ему не пришлось. Поскольку караван Маркуцци шел порожним, чтобы загрузить товары для черного рынка в Кастелламаре, контрабандист был беспечен. Он восседал на первом муле, перекинув винтовку через плечо, а не держа ее наготове. При виде Пишотты, перегородившего ему тропу, он нимало не встревожился. Подумаешь, низкорослый тощий мальчишка со щегольскими усиками, разве что улыбочка его раздражает... И только когда Пишотта выдернул из-под куртки *лунару*, Маркуцци по-настоящему обратил на него внимание.

– Ты поторопился, – ворчливо сказал он. – Я еще не забрал товар. И эти мулы под защитой «Друзей друзей». Не глупи и поищи себе другого клиента.

Пишотта негромко ответил:

– Мне нужна только твоя жизнь.

Маркуцци плотоядно улыбнулся.

– Как-то раз тебе захотелось выслужиться перед полицией. Пару месяцев назад, помнишь?

Маркуцци помнил. Он развернул мула боком, вроде как случайно, чтобы Аспану не видел его рук. Вытащил из-за пояса пистолет. И дернул поводья мула, поворачивая обратно. Последним, что он увидел, была улыбка Пишотты, – и тут же выстрел *лунары* выбил его из седла, швырнув в дорожную пыль.

С мрачным удовлетворением Аспану встал над телом и выстрелил еще раз, в голову, а потом вытащил пистолет из руки Маркуцци и снял винтовку с его плеча. Переложил патроны из куртки контрабандиста к себе в карманы. Потом быстро, одного за другим, перестрелял всех четырех мулов – предупреждение любому, кто станет помогать врагам Гильяно, пусть даже косвенно. Он стоял на дороге с *лунарой* в руках, с винтовкой покойника через плечо и с пистолетом за поясом. Пишотта не испытывал раскаяния, и собственная жестокость радовала его. Несмотря на любовь к другу, он всегда соперничал с Гильяно. И теперь, признав главенство Тури, считал, что должен доказать – он достоин их дружбы. Он тоже храбр и тоже умен. И вот Аспану порвал волшебный круг их детства, презрел законы и присоединился к Гильяно за пределами этого круга. Своим поступком он связал себя с ним навсегда.

* * *

Два дня спустя, перед ужином, Гильяно покинул монастырь. На прощание он обнял каждого из монахов, собравшихся в трапезной, и поблагодарил за доброту. Монахам жаль было, что он уходит. Да, Тури не участвовал в молебнах, не исповедался и не покался в убийстве, которое совершил, но многие из этих людей начали свой путь так же и потому не осуждали его.

Аббат проводил Гильяно до ворот монастыря, где того ждал Пишотта. Вручил прощальный подарок – статуэтку черной Девы Марии, точную копию той, что стояла у Марии Ломбардо, матери Гильяно. У Пишотты был при себе зеленый армейский вещмешок, и Гильяно сунул статуэтку туда.

Пишотта с ухмылкой наблюдал за тем, как Тури с аббатом прощались. Он знал, что священник – контрабандист, тайный член «Друзей друзей», а со своими монахами обращается похуже рабовладельца, и не понимал, с чего это старик так растрогался. Пишотте не приходило в голову, что Гильяно, к которому он испытывал безграничную любовь и привязанность, мог внушить те же чувства и старому аббату.

Последний же имел в этом деле и свой интерес. Он сознавал, что Тури со временем станет силой, с которой на Сицилии придется считаться. Это было похоже на прикосновение Божьей длани. Сам же Гильяно испытывал к старику искреннюю признательность. Аббат спас ему жизнь, более того, наставил во многих вещах и был ему приятным собеседником. Он даже позволил Тури пользоваться своей библиотекой. Удивительно, но Тури нравилась даже его изворотливость – он считал ее умением сохранять в жизни баланс, делать добро, не причиняя особого зла, и использовать свою власть ко всеобщей пользе.

Аббат и Гильяно обнялись. Тури сказал:

– Я ваш должник. Если вам понадобится помощь – какая угодно, – обращайтесь ко мне. Что бы вы ни попросили, я все исполню.

Аббат, похлопав его по плечу, ответил:

– Христианское милосердие не требует оплаты. Следуй по пути Божьему, сын мой, и исполняй свой долг.

Однако то была лишь затверженная формула. Он прекрасно знал, что такое юношеский максимализм, – дьявольский огонь, готовый в любой момент вырваться наружу. Он запомнит обещание Гильяно.

Тот забросил вещмешок за плечо, несмотря на протесты Пишотты, и вдвоем они пошли прочь от монастыря. И ни разу не оглянулись.

Глава 6

С выступающей скалы близ вершины Монте-д'Ора Гильяно и Пишотта смотрели на городок Монтелепре. В нескольких милях ниже в домах зажигались огоньки, отгоняя наступающую ночь. Гильяно показалось даже, что он слышит музыку из громкоговорителей на площади, которые транслировали римские радиостанции, развлекая горожан, вышедших прогуляться перед ужином.

Однако впечатление это было обманчивым. До городка внизу два часа хода; четыре потребуется, чтобы забраться назад. Гильяно с Пишоттой играли тут детьми; они знали каждый уступ на этой горе, каждую пещеру, каждый туннель. За скалой находилась пещера, Гротта Бьянка, их любимое укрытие в детстве, – больше любого дома в Монтелепре.

Аспану отлично выполнил приказ, думал Тури Гильяно. В пещере имелись спальные мешки, сковородки, ящики с патронами, мешки с хлебом и другими продуктами. Там стояла коробка с фонариками, светильниками и ножами, несколько канистр керосина. Он рассмеялся:

– Аспану, мы могли бы тут жить целую вечность!

– Только несколько дней, – ответил тот. – Когда *карабинери* бросились тебя искать, они первым делом нагрянули сюда.

– Эти трусы рыщут по горам только днем, – сказал Тури. – Ночью мы в безопасности.

Темнота набросила на горы свое покрывало, но в небе было столько звезд, что они отчетливо видели друг друга. Пишотта развязал вещмешок и начал доставать оттуда оружие и одежду. Медленно, словно совершая особый ритуал, Тури вооружался. Он снял монашескую рясу и натянул кожаные брюки и теплую куртку из овчины с многочисленными карманами. Сунул за пояс два пистолета, а автомат повесил под куртку, чтобы тот не был на виду, но его можно было легко привести в действие. Застегнул вокруг талии патронташ, а запасные коробки с патронами рассовал по карманам. Пишотта протянул ему нож, который Тури засунул за голенище армейского ботинка. Еще один пистолет, поменьше, он спрятал в перевязи за полой куртки. Все оружие тщательно проверялось.

Винтовку Тури прятать не стал и надел, перебросив ремень через плечо. Теперь он был готов. Улыбнулся Пишотте, у которого при себе были только *лупара* да нож в чехле за спиной.

– Чувствую себя голым, – сказал Пишотта. – И как ты собираешься идти с таким количеством железа? Если упадешь, мне ни за что тебя не поднять.

Гильяно по-прежнему улыбался – загадочной улыбкой ребенка, который верит, что весь мир в его власти. Огромный шрам у него на боку болел от тяжести амуниции, но Тури рад был этой боли, воспринимая ее как отпущение грехов.

– Я готов к встрече: и с семьей, и с врагами, – сказал он Пишотте. И двое юношей начали спуск по длинной извилистой тропке от вершины Монте-д'Ора к Монтелепре.

Они шли под звездным небом. Вооруженный, чтобы дать отпор смерти и другим людям, наслаждаясь ароматами далеких лимонных садов и диких цветов, Тури Гильяно ощущал безмятежность, какой не знал ранее. Он больше не будет беспомощен перед лицом случайно встреченного врага. Не будет бороться и с внутренним врагом – тем, что сомневался в его храбрости. Силой воли он заставил себя выжить, заставил свое тело зарастить раны – и теперь считал, что сможет делать это снова и снова. Он больше не сомневался, что его ждет великая судьба. На него распространяется та же магия, что и на средневековых героев, которые не могли погибнуть, не достигнув конца своей длинной истории, не одержав своих славных побед.

Он никогда не расстанется с этими горами, с этими оливами, со своей Сицилией. Тури лишь смутно представлял, какой будет его грядущая слава, но знал, что она его ждет. Нет, он больше не бедный крестьянский юноша, боящийся *карабинери*, судей, коррумпированные власти.

Они уже спустились с гор на одну из дорог, что вели к Монтелепре. Прошли запертую на висячий замок придорожную часовенку Девы Марии с младенцем; выкрашенное в голубой цвет гипсовое одеяние святой сияло в лунном свете, словно море. От сладкого духа цветущих садов у Гильяно кружилась голова. Он видел, как Пишотта остановился понюхать ветвь дикой груши, источавшей в ночном воздухе одуряющий аромат, и ощутил прилив любви к другу, который спас ему жизнь, – любви, коренившейся в их детстве, проведенном вместе. Тури хотел разделить с ним свое бессмертие. Нет, они не умрут двумя безвестными крестьянами в сицилийских горах. В приступе воодушевления Гильяно воскликнул: «Аспану, Аспану, я верю, я верю», – и бегом помчался вниз по склону, удаляясь от призрачных белых скал, мимо статуй Христа и святых мучеников, поставленных сверху запертых на засов деревянных часовен. Пишотта бежал следом, хохоча, а месяц освещал им путь к Монтелепре.

* * *

Предгорья перешли в зеленое пастбище, через сотню метров заканчивавшееся черной стеной домов на виа Белла. За этой стеной у каждого домика имелся огород с помидорами, а кое-где с одинокой оливой или лимонным деревцем. Калитка в огород Гильяно была не заперта, и двое юношей тихонько нырнули внутрь. Мать Гильяно уже ждала их там. Она бросилась к сыну в объятия; по щекам у нее лились слезы. Женщина целовала его, шепча: «Сынок мой любимый, мой сынок», – и Тури Гильяно вдруг понял, что сейчас, стоя под луной, впервые в жизни не может со всей полнотой чувства откликнуться на ее любовь.

Приближалась полночь, луна светила ярко, и они поспешили в дом, чтобы не попасться на глаза шпионам. Окна были закрыты ставнями, родственники со стороны обеих семей, Гильяно и Пишотта, караулили на улицах, чтобы предупредить о приближении патруля. В доме друзья и семья Гильяно собрались, чтобы отметить его возвращение. На столе дожидался ужин, достойный праздника Святой Пасхи. У них была всего одна, последняя ночь, прежде чем Тури уйдет жить в горы.

Отец Гильяно обнял его и похлопал по спине в знак одобрения. Две сестры Тури тоже были там, как и Гектор Адонис. А еще мать пригласила соседку по имени Ла Венера – вдову лет тридцати пяти. Ее муж был знаменитым бандитом – его звали Канделерия, – которого выдали полиции и схватили год назад. Они с матерью Гильяно крепко сдружились, но Тури был удивлен, что ее пригласили на эту встречу. На мгновение он задумался, как это вышло.

Они ели и пили, обращаясь к Тури Гильяно так, будто тот вернулся из путешествия в дальние страны. Потом отец захотел посмотреть на его рану. Гильяно задрал рубашку и показал большой багровый шрам от винтовочного выстрела, окруженный черно-сизым синяком. Мать запричитала. Гильяно сказал ей с улыбкой:

– Ты предпочла бы видеть меня в тюрьме, с побоями после *бастинадо*?

Хотя нынешняя сцена повторяла счастливые дни его детства, он не ощущал прежней близости с этими людьми. На столе стояли любимые блюда Тури: соус из чернил каракатицы, макароны с томатом и пряными травами, жареная баранина, большая миска оливок, зеленые и красные листья салата, политые свежееотжатым оливковым маслом, и бутылки местного вина в бамбуковой оплетке – благословенные дары Сицилии. Мать с отцом рассказывали об их жизни в Америке. Гектор Адонис, вторя им, напоминал о славной сицилийской истории. Гарибальди и его знаменитые краснорубашечники. Сицилийская Вечерня – когда народ Сицилии поднялся против французских оккупантов сотни лет назад. Обо всех, кто пытался подмять Сицилию под себя, – начиная с Рима, потом о маврах и норманнах, вплоть до французов, немцев и испанцев. Печальна судьба Сицилии! Никогда она не была свободна, народ ее голодал, труд его продавался задешево, а кровь проливалась без всякого повода.

Вот почему сицилийцы не верят в правительство, в законы, в общественный порядок – ведь с ними всегда обращались как со скотом. Гильяно, годами слушавший эти истории, помнил их все наизусть. Но только сейчас вдруг понял, что может это изменить.

Он поглядел на Аспану, который курил, попивая кофе. Даже при этой радостной встрече с губ у него не сходила язвительная улыбка. Гильяно знал, что он думает и что скажет позже: надо было просто свалить дурака, подвернуться полицейскому под пулю, совершить убийство, заделаться преступником – и вот уже родные превозносят тебя и обращаются с тобой так, будто ты святой, сошедший с небес. Тем не менее Аспану был единственным, с которым Тури по-прежнему чувствовал связь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.